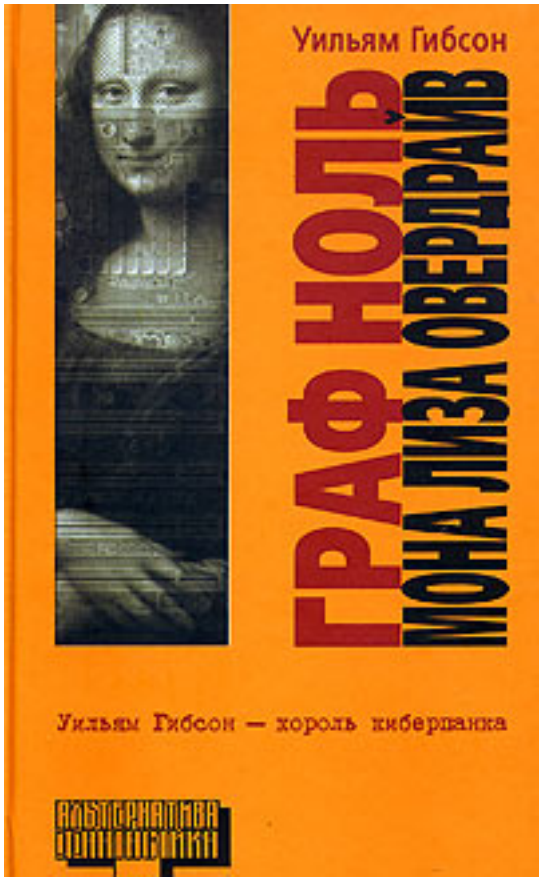
Уильям Гибсон
ГРАФ НОЛЬ
МОНА ЛИЗА ОВЕРДРАЙВ
Уильям Гибсон — король киберпанка
АЛЬТЕРНАТИВА
ФАНТАСТИКИ

Уильям Гибсон

Граф ноль

Серия «Нейромантик», книга 2

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129783
У.Гибсон. Граф Ноль. Мона Лиза Овердрайв: АСТ; Москва; 2005
ISBN 5-17-028824-7, 985-13-4323-4
Оригинал: WilliamGibson, “Count Zero, 1986”
Перевод:
Анна А. Комаринец
Ефим Летов

Аннотация

«... „Собаку-хлопушку“, предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернеру посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чаук, проползла на брюхе к арендованному им „БМВ“ сквозь лес коричневых голых ног и колес рикш. „Собака“ была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, – розовая штукатурка дворца под названием «Отель Кхуш-Ойл». ...»

Мир романа Уильяма Гибсона «Граф Ноль» – классика киберпанка!

Содержание

1	4
2	11
3	16
4	18
5	23
6	25
7	34
8	40
9	42
10	48
11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Уильям Гибсон
Граф Ноль

Моей Д.посвящается

Quiero hacer contigo
la que la primavera
hace con los cerezos.
Неруда

COUNT ZERO INTERRUPT
(ПРЕРЫВАНИЕ НА СЧЕТ НОЛЬ) —
Чтобы прервать работу программы,
сбросьте счетчик до нуля.
Примечание автора

1
Отлично налаженный механизм

«Собаку-хлопушку», предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернеру посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чаук, проползла на брюхе к арендованному им «БМВ» сквозь лес коричневых голых ног и колес рикш. «Собака» была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, – розовая штукатурка дворца под названием «Отель Кхуш-Ойл».

Поскольку у него был хороший агент, у него был хороший контракт. Поскольку у него был хороший контракт, то буквально час спустя после взрыва он уже был в Сингапуре. По крайней мере, большей своей частью. Хирургу-голландцу нравилось подшучивать над тем, что некий не названный процент Тернера не вырвался из «Палам Интернэшнл» первым рейсом и был вынужден провести ночь в ангаре в резервуаре жизнеобеспечения. Голландцу и его бригаде потребовалось три месяца, чтобы собрать Тернера заново. Они клонировали для него квадратный метр кожи, вырастив ее на пластинах коллагена и полисахаридов из акульих хрящей. Глаза и гениталии купили на свободном рынке. Глаза оказались зеленые.

Большую часть этих трех месяцев Тернер провел в сгенерированном в базовой памяти симстим-конструкте – в идеализированном детстве в Новой Англии предыдущего столетия. Визиты голландца представали серыми предрассветными снами, кошмарами, тускневшими, когда светлело небо за окном спальни на втором этаже, где по ночам пахло фиалками. Тринадцатилетний Тернер читал Конан-Дойля при свете шестидесятиваттной лампочки под бумажным абажуром с изображениями белоснежных парусников, мастурбировал, ощущая запах чистых хлопковых простыней, и думал о девчонках из группы поддержки футбольной команды. Голландец же открывал дверку в глубине его мозга и задавал ему всякие разные вопросы; но утром мать звала его завтракать овсянкой и яичницей с беконом, за которыми следовал неизменный кофе с молоком и сахаром.

Однажды утром Тернер проснулся в чужой постели, у окна стоял голландец, заслоняя собой тропическую зелень и резавший глаза солнечный свет.

– Можете отправляться домой, Тернер. Мы с вами закончили. Вы теперь как новенький.

Он был как новенький. А хорошо ли это? Этого Тернер не знал. Забрав то, что передал ему на прощание голландец, он вылетел из Сингапура. Домом ему стал «Хайятт» в ближайшем аэропорту. И в следующем за ним.

И в следующем. И в Бог знает каком еще.

Он все летел и летел. Его кредитный чип – черный зеркальный прямоугольник с золотым обрезом. Люди за стойками, завидев его, улыбались, кивали. Распахивались и захлопывались за ним двери. Колеса отрывались от железобетона, тут же появлялась выпивка, стол всегда был накрыт.

В Хитроу огромный ломоть памяти, отколовшийся от пустой чаши неба над аэропортом, рухнул ему на плечи. Не замедляя хода, Тернер сблевал в синюю пластмассовую урну. Оказавшись у стойки в конце коридора, он поменял билет.

На рейс в Мексику.

И проснулся под клацанье стальных корзинок по кафелю, мокрый шорох щеток. Теплое женское тело под боком.

Комната – как высокая пещера. Голый белый пластик четко отражает звук; где-то вдали, перекрывая болтовню служанок в утреннем дворе, бьется прибой. Под пальцами – мятые простыни, шершавый лен, смягченный бесчисленными стирками.

Он вспомнил солнечный свет сквозь стену из тонированного стекла. Пуэрто Валларта, бар в аэропорту. Двадцать метров от самолета пришлось пройти пешком, зажмурив глаза от солнца. Вспомнил дохлую летучую мышь, раскатанную в сухой лист по бетону взлетной полосы.

Вспомнил автобус, карабкающийся по горной дороге: вонь от двигателя внутреннего сгорания, ветровое стекло, оклеенное по краю почтовыми открытками с розовыми и голубыми голограммами святых. Поднимающийся уступами ландшафт он не замечал, увлеченный шариком из розового луизита, в сердцевине которого нервно танцевала ртуть. Шар размером чуть больше бейсбольного мяча увенчивал стальной рычаг переключения скоростей. В дутой полости сферы, до половины наполненной шариками ртути, скорчился паук. Ртуть подпрыгивала и перекатывалась, когда водитель лихо заворачивал автобус по серпантину, качалась и подрагивала на прямых отрезках дороги. Набалдашник был самоделкой, нелепой и зловещей; он был здесь, чтобы сказать: «Добро пожаловать в Мексику».

Среди примерно дюжины выданных голландцем микрософтов был один, который позволил бы ему сравнительно бегло говорить по-испански. Но в Валларте Тернер, нащупав выступ за левым ухом, вместо софта вставил заглушку от пыли, спрятав разъем и коннектор за квадратиком микропоры телесного цвета. У пассажира на одном из задних кресел автобуса было радио. В звенящие поп-мотивы периодически врывался голос диктора, чтобы продекламировать как какую-нибудь литанию цепочки десятизначных чисел – «сегодняшние победители в национальной лотерее!»

Женщина рядом с ним шевельнулась во сне.

Тернер приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Лицо незнакомое, но не из тех, к каким приучила его кочевая гостиничная жизнь. Он ожидал увидеть банальную красотку, порождение дешевой пластической хирургии и безжалостного дарвинизма моды, архетип, сварганенный из сотен популярных экранных лиц за последние пять лет.

Что-то от Среднего Запада в линии нижней челюсти, что-то архаичное и очень американское. Бедро прикрыто складками голубой простыни. Сквозь деревянные жалюзи косо падает солнечный свет, расчерчивая ее длинные ноги золотыми диагоналями. Лица, рядом с которыми он просыпался в гостиницах мира, были как орнамент на капюшоне самого Гос-

пода. Спящие женские лица, одинаковые и одинокие, обнаженные, устремленные в пустоту. Но это лицо было иным. Почему-то оно уже соотносилось с каким-то смыслом. Смыслом и именем.

Он сел, спустив ноги с кровати. Подошвы ног зарегистрировали на холодной плитке дробь песчинок с пляжа. Стоял слабый всепроникающий запах инсектицидов. Голый, с пульсирующей в голове болью, он встал. Заставил ноги передвигаться. Пошел, толкнул одну из двух дверей, обнаружил за ней белый кафель, еще более белую штукатурку, грушу хромированной головки душа, свисающую с покрытой пятнами ржавчины железной трубы. Краны над раковиной предлагали одинаковые струйки теплой, как кровь, воды. Возле пластикового переключателя лежали антикварные наручные часы, механический «ролекс» на светлом кожаном ремешке.

В закрытых ставнями окнах ванной отсутствовали стекла, зато их затягивала мелкая сетка из зеленой пластмассы. Выглянув в щелку между деревянными планками, Тернер поморщился от резкого жаркого солнца, увидел пересохший фонтан, выложенный плиткой в цветочек, и ржавый остов «фольксвагена» модели «кролик».

Эллисон. Вот как ее зовут.

На ней были поношенные шорты цвета хаки и его белая футболка. Ноги у нее были совсем коричневые. Механический «ролекс» в безупречном тусклом корпусе из нержавеющей стали и с ремешком из свиной кожи вернулся на ее запястье. Они отправились погулять вдоль изгиба пляжа по направлению к Барреде-Навидад, держась узкой полоски плотного мокрого песка по линии прибоя.

У них уже была общая история: он помнил ее этим утром у стойки в маленьком с железной крышей меркадо. Помнил, как она обеими руками держала огромную глиняную кружку с дымящимся кофе. Как жадно уплетала яйца и сальсу с потрескавшейся белой тарелки с тортильей. А он смотрел, как мухи кружат в пальцах солнечного света, пробивающегося сквозь лоскутное одеяло тени, накинутое пальмовыми листьями и рифлеными стенами кафе. Какой-то разговор о ее работе в адвокатской конторе в Лос-Анджелесе, о том, как она живет одна в одном из ветхих понтонных городков, стоящих на приколе за Редондо. Он, кажется, сказал, что работает в охране. Так или иначе, когда-то так оно и было.

– Может, подыщу себе какую-нибудь другую работу...

Но разговор казался вторичным по сравнению с тем, что возникло между ними. Вот над их головами, паря в бризе, зависла птица-фрегат, скользнула в сторону, развернулась и исчезла. Оба вздрогнули от такой свободы, от бездумного птичьего скольжения. Эллисон сжала его руку.

По пляжу, приближаясь к ним, вышагивала синяя фигура – военный полицейский направлялся в народ, сияющие черные сапоги казались нереальными на фоне пастельных красок пляжа. Когда полицейский с темным и неподвижным лицом под зеркальными очками проходил мимо, Тернер заметил лазерный карабин «стайнер-оптик» со значком «Fabrique Nationale». Синяя гимнастерка была безупречна, а стрелки брюк жестки и остры, как лезвие ножа.

Большую часть своей взрослой жизни Тернер, хотя никогда и не носил униформы, был солдатом. Солдатом удачи. Наемником. Его работодатели – огромные корпорации, втайне воюющие между собой за контроль над мировой экономикой. Его специализация – чиновники из высших эшелонов управления и ведущие ученые. Транснационалы, на которых он работал, никогда не признают существование людей, подобных Тернеру...

– Прошлой ночью ты оприходовал почти всю бутылку «херрадуры», – сказала женщина.

Тернер кивнул. Ее рука в его ладони была сухой и теплой. Он смотрел, как Эллисон ставит ногу на песок, как раздвигаются при этом пальцы. Розовый лак на ногтях совсем облупился.

Накатили буруны с прозрачной, как зеленое стекло, кромкой.

На загорелой коже Эллисон мелкими бусинами осела водяная пыль.

После того первого дня вместе жизнь вошла в простую колею. Они завтракали в меркадо за бетонной стойкой, вытертой до гладкости полированного мрамора. Утро проводили купаясь, пока солнце не загоняло их назад в защищенную ставнями прохладу гостиницы, где они занимались любовью под медленно кружащимися лопастями деревянного вентилятора, потом спали. Под вечер отправлялись обследовать путаницу узких улочек позади Авениды или уходили к холмам. Обедали на верандах ресторанов с видом на пляж и пили вино в патио белых гостиниц. В волнах прибоя качался лунный свет.

И постепенно, без слов, она научила его новому виду страсти. Он привык к тому, чтобы его обслуживали, к безликому сервису умелых профессионалок. Теперь же, в белой пещере комнаты, он стоял на коленях на плитке пола. Опуская голову, ласкал ее языком; тихоокеанская соль смешивалась с ее собственной влагой, внутренняя поверхность бедер, прижатая к его щекам, была прохладной. Покачивая ладонями ее бедра, он сжимал их, поднимал как чашу, плотно прижимаясь губами, пока язык его искал локус, точку, частоту, которая приведет ее к дому. Потом, усмехаясь, вставал, входил и искал собственную дорогу к нему.

А иногда, после, он говорил – и долгие спирали несфокусированного рассказа, развертываясь, соединялись с шумом моря. Эллисон говорила очень немного, но он научился ценить то малое, что она говорила. И всегда она обнимала его. И слушала.

* * *

Прошла неделя, за ней другая. В их последний день вместе Тернер проснулся в той же самой прохладной комнате, увидел Эллисон рядом. За завтраком ему почудилось, что он уловил в ней перемену, какую-то непривычную напряженность.

Они загорали, плавали, и в знакомой постели он забыл о смутном привкусе беспокойства.

Под вечер Эллисон предложила пойти погулять по пляжу к Барре, как они ходили в то первое утро.

Тернер извлек из разъема за ухом заглушку и вставил «занозу» микрософта. Структура испанского языка опустилась сквозь него как стеклянная башня, невидимые ворота распахнулись в настоящее и будущее, в условное и предпрошедшее. Оставив ее в комнате, он пересек Авениду и вошел на рынок. Купил соломенную корзинку, несколько банок холодного пива «карта бланка», сэндвичи и фрукты. По дороге назад купил у торговца на Авениде новую пару солнечных очков.

Его загар был теперь коричневым и ровным. Угловатые заплаты, оставшиеся после пересадки ткани, исчезли, а Эллисон научила его единству тела. По утрам, встречая в зеркале в ванной взгляд зеленых глаз, он наконец уверовал в то, что они его собственные. Да и голландец перестал тревожить его сны дурацкими шутками и сухим кашлем. И все же временами ему снилась Индия, страна, которую он едва успел узнать. Индия, разлетевшаяся вдребезги яркими осколками: улица Чандни-Чаук, запах пыли и жареных лепешек.

Стены полуразвалившегося отеля стояли на полпути к Барре, если идти вдоль дуги залива. Прибой здесь был сильнее, и каждая волна разбивалась маленьким взрывом.

Сейчас Эллисон тянула его к этому отелю. В уголках ее глаз появилось что-то новое, какая-то натянутость. Чайки разлетелись врассыпную, когда они рука об руку вышли на пляж, чтобы заглянуть в тень за пустым дверным проемом. Там был песок, нанесенный приливом, и теперь ветер должен был завершить свой труд над фасадом постройки. Стены уже ушли, оставив перекрытия этажей свисать огромными полотнищами на погнутых ржавых сухожилиях. На каждом перекрытии пол был выстелен другим узором разноцветной плитки.

«ГОСТИНИЦА “PALAYA DEL M.”» – заглавные буквы были выложены будто рукой ребенка – морскими ракушками, вдавленными в бетонную арку.

– Мар, – сказал он, заканчивая слово, хотя и вынул уже микрософт.

– Все кончено, – сказала она, входя в тень арки.

– Что кончено? – Он вошел следом; плетеная корзинка терлась о бедро. Песок здесь был холодным, сухим и рассыпался под ногами.

– Кончено. С этим местом покончено. Здесь нет ни времени, ни будущего.

Он недоуменно уставился на нее, потом перевел взгляд туда, где у соединения двух осыпающихся стен были свалены в кучу ржавые кроватные пружины.

– Мочой пахнет, – сказал он. – Пошли купаться.

Море смыло озноб, но между ними теперь повисла какая-то отстраненность. Они сидели на одеяле из комнаты Тернера и молча ели. Тень от развалин медленно удлинялась. Ветер играл выгоревшими на солнце волосами Эллисон.

– Глядя на тебя, я думаю о лошадях, – сказал он наконец.

– Ну, – проговорила она, будто из глубин усталости, – они только тридцать лет как вымерли.

– Нет, – сказал он, – их волосы. Волосы у них на шеях, когда лошади бегут.

– Гривы, – сказала она, на глазах у нее выступили слезы. – Сволочи. – Эллисон сделала глубокий вдох. Отбросила на песок пустую банку из-под «карта бланка». – Они, я, какая разница? – Ее руки снова обняли его плечи. – Ну давай же, Тернер. Давай.

И когда она ложилась на спину, утягивая его за собой, он заметил что-то – кораблик, превращенный расстоянием в белую черточку дефиса, – там, где вода соприкасалась с небом.

Садясь на одеяле, чтобы натянуть обрезанные джинсы, Тернер увидел яхту. Теперь корабль был гораздо ближе, грациозная запятая белой палубы легко скользила по воде. Глубокой воде. Судя по силе прибоя, пляж, очевидно, обрывался здесь почти вертикально. Вот почему череда гостиниц кончалась там, где она кончалась, в нескольких километрах от этого места, и вот почему руины не устояли. Волны подточили фундамент.

– Дай мне корзинку.

Она застегивала пуговицы блузки. Эту блузку он купил ей в одном из маленьких усталых магазинчиков на Авениде. Мексиканский хлопок цвета электрик, плохо обработанный. Одежда, которую они покупали в магазинах, редко протягивала больше одного-двух дней.

– Я сказал, дай мне корзинку.

Дала. Он покопался среди остатков их ужина, под пластиковым пакетом с ломтиками ананаса, вымоченными в лимонной цедре и присыпанных кайеннским перцем, нашел бинокль. Вытащил. Пара компактных боевых окуляров шесть на тридцать. Щелчком поднял вверх внутренние крышки с объективов и, приладив дужки, стал изучать обтекаемые иероглифы логотипа «Хосаки». Желтая надувная шлюпка обогнула корму и вырулила к пляжу.

– Тернер, я...

– Вставай. – Заталкивая одеяло и ее полотенце в корзинку, сказал он.

Вынул последнюю, уже теплую банку «карта бланка», положил ее рядом с биноклем. Встал и, рывком подняв Эллисон на ноги, насильно всунул ей в руки корзинку.

– Возможно, я ошибаюсь, – сказал Тернер. – Но если нет, то уноси ноги, беги что есть сил. Свернешь к той, дальней гряде пальм. – Он указал куда-то в сторону. – В гостиницу не возвращайся. Садись на автобус в Манцанильо или Валларте. Поезжай домой. – До него уже доносилось мурлыканье мотора.

Из глаз ее потекли слезы, но беззвучно. Эллисон повернулась и побежала мимо развалин, вцепившись в корзинку, спотыкаясь на разъезжающемся песке. И ни разу не обернулась.

Тернер повернулся и стал смотреть в сторону яхты. Надувная шлюпка уже прыгала по волнам прибоя. Яхта называлась «Цусима», и в последний раз он видел ее в Хиросимском заливе. Но тогда он стоял на ее палубе и смотрел на красные ворота синтоистского храма в Ицукусиме.

Зачем бинокль, если и так ясно, что пассажиром шлюпки окажется Конрой, старший над ниндзями «Хосаки». Скрестив по-турецки ноги, Тернер сел на остывающий песок и открыл свою последнюю банку мексиканского пива.

Тернер, не отрываясь, глядел вдаль на череду белых гостиниц, руки неподвижно лежали на тиковых перилах «Цусимы». За гостиницами горели три голограммы городка – «Banamex», «Aeronaves» и шестиметровая богородица местного собора.

Конрой стоял рядом.

– Срочная работа, – сказал наконец Конрой. – Сам знаешь, как это бывает.

Голос Конроя был плоским и безжизненным, будто смоделированным в дешевом голосовом чипе. Лицо у него было широкое и белое, мертвенно-белое. Черные круги, мешки под глазами и грива выбеленных, зачесанных назад волос. На Конрое была черная рубашка-поло и черные брюки.

– Пошли внутрь, – поворачиваясь, сказал он.

Тернер безучастно последовал за ним, пригнувшись, чтобы войти в дверь каюты. Белые экраны, светлая сосновая обшивка – строгий шик токийских корпораций.

Конрой уселся на низкую прямоугольную подушку из синевато-серой искусственной замши. Тернер остался стоять, руки расслабленно висят по бокам; между ним и Конроем – стол. Конрой достал из стола серебряный, с насечками, ингалятор.

– Дохнешь холина?

– Нет.

Вставив ингалятор в ноздрю, Конрой вдохнул.

– Хочешь суси? – Он убрал ингалятор обратно в стол. – С час назад мы поймали пару окуней.

Тернер не шевельнулся, по-прежнему в упор глядя на Конроя.

– Кристофер Митчелл, – негромко произнес Конрой. – «Маас Биолабс». Руководитель их «гибридного» проекта. Он переходит в «Хосаку».

– Никогда о нем не слышал.

– Ну и хрен с ним. Хочет выпить?

Тернер покачал головой.

– Кремний уже в пути, Тернер. Митчелл – это тот самый, кто заставил работать биочипы, а «Маас» сидит на всех базовых патентах. Это ты знаешь. Митчелл – специалист по моноклонам. Он хочет выбраться. Ты и я, Тернер, мы с тобой должны вытащить его.

– Я думал, я в отставке, Конрой. Мне неплохо отдыхалось.

– Именно это и сказала команда психиатров в Токио. Я хочу сказать: это же не первый твой побег из коробки, а? Она психолог-практик, на жалование у «Хосаки».

На бедре Тернера задергался мускул.

– Они говорят, ты готов, Тернер. После Нью-Дели они немного волновались, так что хотели лишний раз перепроверить. Немного терапии на стороне никогда не повредит, или я не прав?

2
Марли

Для собеседования она надела лучший свой жакет, но в Брюсселе шел дождь, а денег на такси у нее не было. От станции «Евротранса» пришлось идти пешком.

Ладонь в кармане выходного жакета – от «Салли Стэнли», но уже год как ношенный – как белый узел вокруг скомканного факса. Факс ей больше не нужен, адрес она запомнила, но, похоже, ей никак не выпустить бумажку, как не победить транс, который держит ее в своих тисках. Ну вот, она все смотрит и смотрит в витрину дорогого магазина мужской одежды. Взгляд Марли попеременно застывает то на в высшей степени солидной фланелевой рубашке, то на отражении собственных темных глаз.

Нет сомнений, одни лишь эти глаза будут стоить ей работы. Даже мокрые волосы не в счет – теперь она жалела, что не позволила Андреа их подстричь. Ведь глаза выставляли напоказ всем, кто потрудится в них заглянуть, боль и вялость, и уж это точно не укроется от герра Йозефа Вирека, наименее вероятного из возможных нанимателей.

Когда доставили факс, Марли настаивала на том, чтобы отнестись к нему как к дурной шутке – мол, просто еще один докучливый звонок. А докучали ей предостаточно, спасибо масс-медиа. Звонков было столько, что Андреа пришлось заказать специальную программу для телефона в своей квартире. Программа не пропускала входящие звонки с номеров, которые не были занесены в ее постоянную директорию. Но именно это, возражала Андреа, и могло, наверное, послужить причиной для факса. Как еще с ней могли связаться?

Но Марли лишь качала головой, глубже закутываясь в старый махровый халат Андреа. С чего это вдруг Вирек, невероятно богатый коллекционер и меценат, пожелал бы нанять опозоренную бывшую управляющую крохотной парижской галереей.

Тогда приходил черед Андреа качать головой в раздражении на эту новую, «опозоренную» Марли Крушкову, которая целыми днями теперь не выходила из квартиры и иногда не находила в себе сил даже чтобы одеться. Попытка продать в Париже одну-единственную подделку едва ли кому-то в новинку, что бы там ни воображала себе Марли, говорила Андреа. Не будь пресса так озабочена тем, чтобы выставить мерзкого Гнасса старым дураком, каковым он в сущности и является, продолжала она, эта история не попала бы даже в сводки новостей. Просто Гнасс оказался достаточно богатым и набуянил достаточно, чтобы сойти за скандал недели. Андреа улыбнулась:

– Не будь ты так привлекательна, о тебе бы вообще никто не вспомнил.

Марли покачала головой.

– И подделка-то принадлежала Алену. Ты сама ни в чем не виновна. Об этом ты забыла?

Ничего не ответив, Марли ушла в ванную, все так же кутаясь в потертый халат.

За желанием подруги утешить, хоть как-то помочь, Марли уже начинала чувствовать раздражение человека, вынужденного делить очень небольшое помещение с несчастным и не вносящим своей лепты в хозяйство гостем.

И Андреа еще пришлось одолжить ей денег на билет «Евротранса».

Сознательным мучительным усилием воли Марли вырвалась из замкнутого круга невеселых мыслей и слилась с плотным, но степенным потоком серьезных бельгийских покупателей.

Девушка в ярких брючках в обтяжку и огромной дубленой куртке, явно с плеча своего приятеля, слегка задела ее на бегу и, шаркнув ножкой, улыбнулась вместо извинения. У следующего перекрестка Марли заметила витрину с одеждой того стиля, который сама предпочитала в студенческие годы. Одежда выглядела невероятно новой.

В белом спрятанном кулачке – факс.

Галерея Дюпре, 14, рю о'Бёр, Брюссель.

Йозеф Вирек.

Секретарша в холодной серой приемной галереи Дюпре вполне могла вырасти здесь – очаровательное и, скорее всего, ядовитое растение, пустившее корни за плитой из полированного мрамора с утопленной в него эмалированной клавиатурой. Она подняла на подходящую Марли лучистые глаза. И Марли тут же вообразила: щелчок, вращение затворов – и вот портрет замарашки уже несется прочь в какой-нибудь дальний закоулок империи Йозефа Вирека.

– Марли Крушкова, – сказала она, борясь с желанием извлечь плотный комок факса и жалко разгладить его по холодному, безупречному мрамору. – К герру Виреку.

– Герр Вирек, к сожалению, не сможет быть сегодня в Брюсселе, фройляйн Крушкова.

Марли смотрела, как шевелятся идеально очерченные губы, и испытывала одновременно причиняемую ответом боль и острый укол удовлетворения, с которым она научилась принимать разочарование.

– Понимаю.

– Однако он решил провести собеседование посредством сенсорной связи. Будьте добры пройти в третью дверь налево.

Комната была белой и голой. Справа и слева по стенам висели картины без рам: листы чего-то похожего на залитый дождем картон в дырках и ссадинах. Katatonenkunst.[1] Консервативно. Такие работы продают обычно канцелярским крысам, которых прислал совет директоров какого-нибудь голландского коммерческого банка.

Она села на низкую, обитую кожей банкетку и наконец позволила себе выпустить из руки факс. Она была одна в комнате, но предположила, что за ней каким-то образом наблюдают.

– Фройляйн Крушкова. – Молодой человек в темно-зеленом рабочем халате техника стоял в дверном проеме напротив той двери, через которую вошла она. — Через минуту, пожалуйста, пересеките комнату и войдите в эту дверь. Прошу вас взяться за ручку плотно и не спеша, чтобы обеспечить максимальный контакт металла с кожей вашей ладони. Затем осторожно переступите через порог. Пространственная дезориентация должна быть минимальной.

– Прошу проще... – Марли моргнула.

– Сенсорная связь, – сказал техник и удалился. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Марли встала, подергала размокшие лацканы жакета в надежде придать им форму, коснулась волос, но передумала и, глубоко вздохнув, шагнула к двери. Фраза секретаря подготовила ее только к тому виду сенсорной связи, о котором она знала, – симстим-сигналу, переправляемому через «Белл-Европу». Она думала, ей придется надеть шлем со впаянными дерматродами, а Вирек воспользуется пассивным зрителем как человеческой видеокамерой.

Но размеры состояния Вирека определялись совершенно иными величинами.

Когда ее пальцы сомкнулись на медной дверной ручке, та, казалось, конвульсивно выгнулась, скользя в первую секунду контакта по тактильному спектру текстуры и температуры тканей.

Потом ручка вновь стала металлической... выкрашенной зеленой краской железякой... чугуном, уходящим вниз и вдаль, к линии горизонта... превратилась в старые перила, за которые Марли теперь ошарашенно цеплялась.

---

[1] Искусство кататоников *(нем.)*.

В лицо ей бросило несколько капель дождя.

Запах дождя и влажной земли.

Калейдоскоп мелких деталей, собственные воспоминания о пьяном пикнике студентов факультета искусств отчаянно пытаются разрушить совершенную иллюзию Вирека.

Ни с чем не спутаешь эту раскинувшуюся сейчас под ней панораму Барселоны с ее окутанными странной дымкой вычурными шпилями церкви Святого Семейства. Борясь с головокружением, Марли схватилась за перила и второй рукой. Она же знает это место. Она – в парке Гюль, пряной сказочной стране, созданной архитектором Антонио Гауди на голом склоне сразу за центром города. Слева от нее, так и не соскользнув по скату расколовшегося валуна, застыла гигантская ящерица. Безумный узор прожилок на обливной керамике кожи. Струйки воды из улыбки-фонтана орошали клумбу поникших цветов.

– Вы растеряны. Прошу прощения.

Йозеф Вирек расположился на одной из змеившихся парковых скамеек террасой ниже Марли, его широкие плечи прятались под мягкой крылаткой. Черты этого лица были смутно знакомы Марли всю ее жизнь. Теперь по какой-то ей самой неясной причине она вспомнила фотографию, на которой коллекционер позировал рядом с английским королем. Вирек улыбнулся. Крупная голова великолепной формы, высокий лоб под щеткой жестких темно-седых волос. Ноздри неизменно раздуты, как будто он вечно принюхивается к неведомым ветрам искусства и коммерции. Взгляд бледно-голубых глаз, очень больших за стеклами круглых, без оправы, очков, за прошедшие десятилетия ставших как бы визитной карточкой его империи, оказался неожиданно мягким.

– Пожалуйста. – Узкая рука похлопала по беспорядочной мозаике из глиняных черепков. – Вы должны простить меня за то, что я так полагаюсь на технологию. Вот уже более десяти лет я пребываю в резервуаре жизнеобеспечения в каком-то кошмарном промышленном пригороде Стокгольма. А может, и преисподней. Я не слишком здоровый человек, Марли. Присаживайтесь рядом.

Сделав глубокий вдох, Марли спустилась по каменным ступеням и зашагала по булыжнику.

– Герр Вирек, – запинаясь, начала она, – я была на вашей лекции в Мюнхене, два года назад. Критика Фесслера и его autistiches Theater[2]. Вы тогда казались здоровым...

– Фесслер? – Вирек сморщил загорелый лоб. – Вы видели двойника. А может, голограмму. От моего имени, Марли, творится многое. Различные части моего состояния со временем приобрели автономность; порой они даже противоборствуют друг с другом. Так сказать, бунт на финансовых окраинах. Однако по ряду причин, настолько сложных, что как бы полностью из области оккультного, факт моей болезни никогда не делался достоянием гласности.

Присев рядом с ним на скамейку, Марли уставилась на грязный булыжник между стоптанных каблуков своих черных парижских ботинок. Увидела осколок бледного камешка, ржавую скрепку, пыльный трупик не то пчелы, не то трутня...

– Это... эта модель поразительно детальна...

– Да, – отозвался Вирек, – новые биочипы «Мааса». Вам следует знать, – продолжал он, – что мое знание вашей частной жизни почти столь же детально. В некотором смысле я знаю о вас чуть ли не больше, чем вы сами.

– Да?

Гораздо проще, как она обнаружила, было сосредоточиться на городе, выискивая вехи, запомнившиеся за дюжину студенческих каникул. Вон там, именно там, должна быть Рамблас, цветы и попугаи, таверны с неизменным меню: темное пиво и соленая соломка.

---

[2] эгоцентрический театр *(нем.)*

– Да. Я знаю, что это любовник убедил вас в том, что вы отыскали потерянный оригинал Корнелла...

Марли зажмурила глаза.

– Он заказал подделку, наняв двух талантливых студентов Академии художеств и известного историка, который оказался перед определенными личными затруднениями... Он заплатил им деньгами, которые извлек из вашей же галереи, о чем вы, без сомнения, уже и сами догадались. Вы плачете...

Марли кивнула. Холодный указательный палец постучал по ее запястью.

– Я купил Гнасса. Я откупился от полиции. Пресса же не стоила того, чтобы ее покупать; она редко этого стоит. А теперь ваша, быть может, несколько скандальная репутация может сыграть вам на руку.

– Герр Вирек, я...

– Одну минуту. Пако! Подойди ко мне, дитя.

Открыв глаза, Марли увидела мальчика лет, наверное, шести, облаченного в темный пиджачок и штанишки до колен, светлые носки, высокие шнурованные ботинки. Каштановые волосы мягким крылом падали ему на лоб. Мальчик что-то держал в руках, какой-то ящичек или шкатулку.

– Гауди начал создавать этот парк в одна тысяча девятисотом году, – сказал Вирек. – Пако носит костюм того периода. Подойди сюда, мой мальчик. Покажи нам свое чудо.

– Сеньор, – пролепетал Пако и с поклоном сделал шаг вперед, чтобы предъявить то, что держал в руках.

Марли могла только смотреть. Простой деревянный ящичек, стекло на месте передней стенки. Предметы...

– Корнелл, – выдохнула она, позабыв о своих слезах. – Корнелл? – Она повернулась к Виреку.

– Конечно же, нет. Предмет, вставленный в обломок кости, – биомонитор фирмы «Браун». Перед вами – шедевр нашего современника.

– Так, значит, есть еще? Есть и другие шкатулки?

– Я нашел их семь. В течение последних трех лет. Видите ли, «Коллекция Вирека» – это нечто вроде черной дыры. Неестественный удельный вес моего состояния неудержимо притягивает к себе редчайшие творения человеческого духа. Процесс по сути своей автономный, причем тот, к которому я при обычных обстоятельствах не проявляю особого интереса...

Но Марли погрузилась в шкатулку, в пробуждаемое ею ощущение невероятного расстояния, потери и томления по чему-то неведомому и недостижимому. Шкатулка казалась и мрачной, и нежной, и почему-то детской. Она заключала в себе семь предметов.

Тонкая флейта из полой кости – конечно же, созданной для полета, конечно же, из крыла какой-то большой птицы. Три архаичные микросхемы – как крохотные лабиринты из золотых нитей. Гладкий белый шар обожженной глины. Почерневший от времени фрагмент кружева. Сегмент длиной в палец из того, что Марли сочла костью из человеческого запястья, серовато-белой, с поднимающимся из нее кремниевым стержнем какого-то маленького прибора, головка которого когда-то была утоплена в кожу, – но почерневшая линза теперь запаяна.

Шкатулка казалась вселенной, поэмой, застывшей в жестких рамках человеческого опыта.

– Gracias, Пако.

Шкатулка и мальчик исчезли.

Марли охнула.

– Ах да, прошу прощения, Я забыл, что подобные переходы для вас слишком резки. Теперь, однако, мы должны обсудить ваше задание...

– Герр Вирек, – прервала его вопросом Марли, – что такое Пако?

– Подпрограмма.

– Понимаю.

– Я нанял вас для того, чтобы вы нашли создателя этой шкатулки.

– Но, герр Вирек, с вашими ресурсами...

– К которым теперь относитесь и вы, дитя мое. Или вы не испытываете желания получить эту работу? Когда история о том, как Гнассу всучили поддельного Корнелла, попала в поле моего зрения, я понял, насколько вы можете быть полезны мне в этом деле. – Он пожал плечами. – Поверьте, я обладаю определенным талантом добиваться желаемого результата.

– Конечно, герр Вирек! Я хочу работать!

– Прекрасно. Вам будет выплачиваться понедельный оклад. Вам будет также предоставлен доступ к определенным кредитным линиям, хотя если вам потребуется приобрести, скажем, недвижимое имущество...

– Недвижимость?

– Или корпорацию, или космическое судно, – в этом случае вы обратитесь ко мне за опосредованным подтверждением ваших полномочий. Которое вы, с почти полной уверенностью можно утверждать, получите. А в остальном я предоставляю вам полную свободу. Однако предлагаю вам действовать на том уровне, в котором вы сами чувствуете себя уверенно. Иначе вы рискуете потерять чутье, а интуиция в подобном случае имеет решающее значение. – Еще раз для нее вспыхнула знаменитая на весь мир улыбка.

Марли сделала глубокий вдох:

– Герр Вирек, что, если я не справлюсь? Сколько у меня времени на то, чтобы найти этого художника?

– Остаток жизни, – последовало в ответ.

– Простите меня, – к ужасу своему услышала Марли собственный голос, – но, насколько я понимаю, вы сказали, что живете в... в резервуаре?

– Да, Марли. И из этой довольно ограниченной временной перспективы я советовал бы вам стремиться ежечасно жить в собственной плоти. Не в прошлом, если вы понимаете, что я имею в виду. Я говорю это как человек, не способный более выносить это простое состояние, поскольку клетки моего тела избрали себе донкихотский путь создания отдельных, собственных карьер. Полагаю, человеку более счастливому или менее богатому позволили бы в конце концов умереть или закодировали бы его в материнскую плату какого-нибудь компьютера. Но я, похоже, скован византийским хитросплетением механизмов и обстоятельств, что, по самым приблизительным прикидкам, требует примерно одной десятой части моего годового дохода. И наверное, превращает меня в самого дорогостоящего инвалида мира. Я был тронут вашими сердечными делами, Марли, и завидую той упорядоченной плоти, в которой они происходят.

Взглянув – на мгновение, не более – прямо в эти мягкие голубые глаза, Марли вдруг с инстинктивной уверенностью простого млекопитающего осознала, что исключительно богатые люди давно переступили ту черту, которая отделяет человека от чего-то иного...

Крыло ночи накрыло небо Барселоны, как судорога бескрайнего, медленно опускающегося ставня, и Вирек, и Гюль исчезли, а Марли обнаружила, что вновь сидит на низкой кожаной банкетке и смотрит на рваные листы грязного картона.

3
Бобби влип, как Вильсон

Простая это штука – смерть. Теперь-то он понял: она просто приходит. Чуть оскользнешься – и она уже здесь, что-то холодное, без запаха, вздувается изо всех четырех углов этой дурацкой комнаты – гостиной его матери в Барритауне.

«Вот ведь дерьмо, – думал он, – Дважды-в-День животики надорвет от смеха: впервые вышел на дело – и тут же влип, как вильсон».

Единственным звуком в комнате был слабый ровный гул – это вибрируют его зубы. Программа обратной связи ультразвуковым параличом въедается в нервную систему. Он глядит на свою руку, дрожащую в нескольких сантиметрах над красной пластмассовой кнопкой, которая могла бы оборвать убивающий его коннект.

Дерьмо.

Он пришел домой – и сразу за дело. Загнал дискетку с только что арендованным у Дважды-в-День ледорубом и подключился. Набрал код базы, которую выбрал ему толкач в качестве первой в его жизни реальной цели. Вроде так это все и делается – хочешь сделать и *делаешь*. Эта маленькая дека «Оно-Сендаи» была у него не более месяца, но он уже знал, что хочет стать кем-то большим, нежели мелкий барритаунский хотдоггер. Бобби Ньюмарк, он же Счет Ноль – или Граф Ноль, кому как больше нравится[3], – но теперь все кончено. Кино никогда не кончается так, чтобы на первой сцене. В кино всегда вбегает девушка ковбоя или, скажем, партнер, срывает троды и бьет по вот этому маленькому красному «СТОП».

Но Бобби сейчас один; его центральная нервная система подавлена защитной программой базы данных за три тысячи километров от Барритауна, и он это знает. И какая-то магическая химия посреди зловещей, обволакивающей тьмы позволяет ему ощутить всю бесконечную желанность этой комнаты с ее ковром цвета ковра и занавесками цвета занавесок, с продавленной софой из темперлона, на прямоугольной хромированной раме которой закреплены компоненты старенького, шестилетней давности развлекательного модуля «Хитачи».

Он ведь так тщательно задергивал занавески, готовясь к своему первому набегу, а теперь, как это ни странно, все равно видит сквозь них. Видит, как вздымается бетонная волна барритауновских кондо, чтобы разбиться о темные башни Проектов. Эта волна кондо щетинится тончайшим ворсом простых и спутниковых антенн, с натянутыми между ними бельевыми веревками. Мать любила разоряться по этому поводу: у нее была собственная сушилка. Он вспомнил белые костяшки ее пальцев на крашенных под бронзу перилах балкона, сухие морщинки на сгибе кисти. Вспомнил, как несли с Большой Площадки мертвого парня на металлических носилках... труп завернут в пластик одного цвета с полицейской машиной. Упал и разбил голову. Упал. Голова садовая. Вильсон.

Сердце остановилось. Бобби показалось, что оно вдруг просто упало на бок и отбросило копыта, как какой-нибудь зверек в мультфильме.

Шестнадцать секунд смерти Бобби Ньюмарка. Его хотдоггерской смерти.

И тут *вклинилось* что-то. Ощущение запредельных пространств. Что-то огромное пришло из-за самого дальнего предела – мира, чувств, всего, что можно познать или вообразить. И это нечто коснулось его.

ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ПОЧЕМУ ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО С ТОБОЙ?

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза...

---

[3] Игра слов: английское слово «count» имеет целый ряд значений, в том числе «счет» и «граф».

УБИВАЕТ МЕНЯ, УБИВАЕТ МЕНЯ, УБЕРИ ЭТО, УБЕРИ.

Темные глаза, пустынные звезды, девичьи волосы...

НО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ТРЮК, РАЗВЕ НЕ ВИДИШЬ? ТЕБЕ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕБЯ ПОЙМАЛИ. СМОТРИ: ВОТ Я ВЛИВАЮСЬ, И НЕТ НИКАКОЙ ПЕТЛИ.

И сердце перекатилось, встало на место и своими мультяшными ножками отфутболило наверх съеденный ленч. Спазмом отрубленной лягушачьей лапки его выбросило из кресла, падение сорвало со лба троды. Голова Бобби врубилась в угол «Хитачи», мочевой пузырь сократился, и кто-то все твердил «матьматьмать» в пыльный запах ковра. Девчоночий голос пропал, никаких пустынных звезд, вкуса-вспышки холодного ветра и изъеденного водой камня...

Тут голова его взорвалась. Он увидел это очень ясно, откуда-то из далекого далека. Как взрыв фосфорной гранаты.

Белый.

Свет.

4
Настройка

Черная «хонда» зависла в двадцати метрах над восьмиугольной палубой заброшенной нефтяной платформы. Светало, и Тернер различил поблекшие контуры трилистников химической опасности, маркирующих посадочную площадку.

– У вас тут биозараза, Конрой?

– Не та, к какой ты привык.

Фигура в красном комбинезоне, размахивая посадочными жезлами, подавала сигналы пилоту «хонды». Когда они садились, вихрь от пропеллеров сбросил в море обрывки упаковки, засорявшие кое-где палубу. Конрой хлопнул по застежке пристяжных ремней и перегнулся через Тернера, чтобы открыть люк. Откинулась крышка, их оглушил рев моторов. Конрой толкнул Тернера в плечо и требовательно поднял несколько раз руку ладонью вверх, потом указал на пилота.

Тернер выбрался наружу и спрыгнул – рев пропеллера над головой расползся кляксой грома. Потом возле него в полуприседе возник Конрой. С помощью краба на согнутых «ногах», какие обычно встречаются на посадочных площадках вертолетов, они счистили поблекшие знаки-трилистники. Поднятый «хондой» ветер бил штанинами по коленям. Тернер нес неприметный серый чемодан, отлитый из баллистического пластика, – свой единственный багаж. Кто-то в гостинице успел упаковать его вещи, и на «Цусиме» его уже ждал чемодан. Внезапное изменение в звуке моторов сказало ему, что «хонда» поднимается. С погашенными огнями она, завывая, ушла назад к побережью. В наступившей тишине стали слышны крики чаек, шорох и хлюпанье тихоокеанских волн.

– Здесь когда-то пытались создать гавань данных, – сказал Конрой. – Нейтральные воды. В те времена никто еще не жил на орбите, так что какое-то время это имело смысл... – Он направился к ржавому лесу балок, поддерживавших надстройку платформы. – «Хосака» предложила свой сценарий: мы привозим Митчелла сюда, чистим, грузим на «Цусиму» – и на всех парах в старушку Японию. Я сказал им: об этом дерьме и думать забудьте. В «Маасе» тоже не дураки сидят, и они могут навалиться на эту посудину всем чем угодно. Я сказал им: исследовательский центр, который вы сбацали на территории консульства, – это самое оно, или я не прав? Каким бы дерьмом «Маас» ни был, он не станет рисковать, особенно в самом долбаном центре Мехико...

Из тени выступила какая-то фигура, лицо ее было обезображено выпученными линзами оптического прибора. Фигура приветливо помахала им тупыми дулами многоствольного игольного ружья системы Лэнсинга.

– Биозараза, – сказал Конрой, когда они протискивались мимо. – Тут пригни голову. И поосторожнее, ступеньки скользкие.

На платформе пахло ржавчиной, морем и заброшенностью. Окон тут не было. Обесцветившиеся стены испещрены расползающимися язвами ржавчины. Через каждые несколько метров с балок над головой свисали флюоресцентные фонари на батарейках, отбрасывая жутковатый зеленый свет, одновременно резкий и ноюще неровный. В центральном помещении – дюжина фигур за работой. Расслабленная точность движений хороших техов. «Профессионалы, – подумал Тернер – взглядами обмениваются редко, да и разговоров почти не слышно.» Было холодно, очень холодно, и Конрой выдал ему огромную, усеянную клапанами и молниями парку.

Бородач в летной куртке с барашковым воротником закреплял серебристой лентой на погнутой переборке бухту оптоволоконного кабеля. Конрой застрял где-то сзади, заспорив шепотом с негритянкой в такой же, как на Тернере, парке. Подняв от работы глаза, бородатый тех увидел Тернера.

– Блин, – протянул он, все еще стоя на коленях, – я и сам сообразил, что дело будет важное, но к тому же, похоже, еще и жаркое.

Он встал и машинальным движением вытер руки о джинсы. Как и остальные техи, он был в хирургических перчатках из микропоры.

– Ты Тернер. – Он усмехнулся, бросил быстрый взгляд в сторону Конроя и вытащил из кармана куртки черную пластмассовую фляжку. – Хочешь для сугрева? Ты же меня знаешь. Я работал над тем делом в Марракеше, когда парень из «Ай-Би-Эм» перешел в «Мицу-Джи». Это я тогда подсоединял взрывчатку к автобусу, который вы с французом загнали в вестибюль гостиницы.

Тернер взял фляжку и, щелкнув крышкой, приложился. Бурбон. Жидкость провалилась вглубь, в желудке остро защипало, по телу растеклось тепло.

– Спасибо, – он вернул фляжку, и тех у брал ее в карман.

– Оукей[4], – сказал он. – Меня зовут Оукей. Вспоминаешь?

– Конечно, – солгал Тернер. – Марракеш.

– А это «Дикая индейка», – сказал Оукей. – На пересадке в Сиполе я заполучил ее без пошлины. Твой партнер, – снова взгляд в сторону Конроя, – он не дает расслабиться, а? Я хочу сказать, не так, как в Марракеше, да?

Тернер кивнул.

– Если что понадобится, – сказал Оукей, – дай мне знать.

– Что, например?

– Еще выпить, или у меня есть перуанский кокс, ну знаешь, самый что ни на есть желтый. – Оукей снова ухмыльнулся.

– Спасибо, – отозвался Тернер, видя, что Конрой поворачивается к ним. Оукей тоже это увидел и быстро присел, отрывая новый кусок серебристой ленты.

– Кто это был? – спросил Конрой, проводя Тернера через узкий дверной проем с прогнившими черными изоляционными прокладками вдоль косяков. Конрой повернул колесо открывающего дверь механизма; колесо недавно смазали.

– Его зовут Оукей, – рассеянно ответил Тернер, оглядывая новое помещение, поменьше. Два фонаря, складные столы, стулья – все новенькое. На столах – какие-то приборы под черными пылезащитными колпаками из пластика.

– Твой друг?

– Нет, – ответил Тернер. – Работал как-то на меня. – Подойдя к ближайшему столу, он откинул один из колпаков. – Что это?

Немаркированная консоль производила впечатление недоработанного фабричного прототипа.

– Киберпространственная дека «Маас-Неотек».

Тернер поднял брови:

– Ваша?

– У нас таких две. Вторая – на полигоне. Получили от «Хосаки». Судя по всему, это самая быстрая штуковина в матрице, а «Хосака» даже не может демонтировать чипы, чтобы скопировать. Совершенно иная технология.

– Это подарок от Митчелла?

---

[4] Прозвище составлено из двух слов – «оук» (дуб) и «о’кей».

– Молчат. Но уже то, что деки вообще выпустили из рук – просто чтобы подстегнуть наших жокеев, говорит о том, насколько им нужен этот мужик.

– Кто за консолью, Конрой?

– Джейлин Слайд. Это с ней я только что говорил, – он мотнул головой в сторону двери. – А на полигоне – человек из Лос-Анджелеса, парнишка по имени Рамирес.

– Они хороши? – Тернер вернул на место колпак.

– Лучше бы им такими быть, учитывая, во сколько они нам обошлись. Джейлин заработала себе репутацию крутой за последние два года, а Рамирес – ее ученик и вроде как дублер. Дерьмо... – Конрой пожал плечами. – Ты же знаешь этих ковбоев. Психи долбаные...

– Где ты их взял? И уж если на то пошло, как ты нашел Оукея?

Конрой улыбнулся:

– Через твоего агента.

Тернер уставился было на Конроя, потом кивнул. Повернувшись, он приподнял край следующего колпака. Чемоданчики из пластмассы и стиролона, аккуратно, но плотно расставленные по холодному металлу стола. Он коснулся синего пластмассового прямоугольника с выдавленной серебристой монограммой на крышке – «S&W».

– Твой агент, – сказал Конрой, когда Тернер щелкнул замком.

Револьвер покоился в литом ложе из бледно-голубого пластика, под коротким толстым стволом на безобразной станине вздулся массивный барабан.

– «Смит-и-вессон», тактический, 408-й калибр, с ксеноновым излучателем, – добавил Конрой. – Как он сказал, это то, что тебе нужно.

Тернер взял в руку пушку и большим пальцем надавил на клавишу проверки батарейки в излучателе. На орехового дерева рукояти дважды мигнул красный огонек. Тернер погладил барабан, затем вывернул его себе на ладонь.

– Патроны?

– На столе. Заряжаются вручную, головки разрывные.

Тернер отыскал прозрачный тубус из пластика янтарного цвета, открыл его левой рукой и извлек патрон.

– Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?

Он осмотрел патрон, потом осторожно вставил его в одно из шести барабанных гнезд.

– Не знаю, – ответил Конрой. – Решили, наверное, – едва только пришла весточка от Митчелла, – что тебе рано еще на покой...

Тернер щелчком вогнал барабан на место и резко его крутанул .

– Я сказал: «Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?» – Обеими руками он поднял пистолет. Вытянул руки, целясь в лицо Конрою. – Когда имеешь дело с такой пушкой, иногда можно заглянуть в дуло и, если свет падает правильно, увидеть, есть ли в стволе пуля. – Конрой качнул головой, совсем чуть-чуть. – Или, может быть, ее можно увидеть в каком-нибудь другом гнезде...

– Нет, – очень мягко отозвался Конрой, – не выйдет.

– А что, если психиатры наврали, Конрой? Что тогда?

– Нет, – повторил Конрой, лицо его оставалось совершенно пустым. – Они не наврали, и ты этого не сделаешь.

Тернер нажал на курок. Ударник щелкнул в пустое гнездо. Конрой раз моргнул, открыл рот, закрыл, глядя, как Тернер опускает «смит-и-вессон». Одинокая капля пота скатилась от корней волос и потерялась в брови.

– Ну? – спросил Тернер, держа пистолет у бедра.

Конрой пожал плечами.

– Не ерунди, – сказал он.

– Я настолько им нужен?

Конрой кивнул:

– Это твое шоу, Тернер.

– Где Митчелл? – Тернер снова вывернул барабан и начал заряжать остальные гнезда.

– В Аризоне. Километрах в пятидесяти от границы с Сонорой, в исследовательском центре на вершине плато. «Маас Биолабс, Северная Америка». Им там принадлежит все до самой границы, а само плато – «яблочко» в центре зоны, захватываемой с четырех спутников наблюдения. Сплошные мучо.

– И как, по их мнению, мы туда попадем?

– Никак. Митчелл выбирается сам по себе. Мы ждем его, подбираем и доставляем «Хосаке» его задницу в целости и сохранности.

Зацепив указательным пальцем расстегнутый воротник черной рубашки, Конрой вытащил сперва нейлоновый шнур, потом маленький, черный, нейлоновый же конверт с застежкой на липучке. Осторожно открыв его, он извлек какой-то предмет, который протянул на открытой ладони Тернеру.

– Взгляни. Вот что он нам прислал.

Положив пушку на ближайший стол, Тернер взял у Конроя штуковину, напоминавшую серый распухший микрософт. Один конец – цоколь стандартного нейровхода, а другой – странное округлое образование, не похожее ни на что виденное Тернером ранее.

– Что это?

– Биософт. Джейлин его уже подключала, на ее взгляд, это продукт вывода с какого-то ИскИна. Что-то вроде досье на Митчелла, с пришпиленным в конец сообщением для «Хосаки». Лучше включись сам, если хочешь быстро войти в курс дела...

Тернер поднял взгляд от серого предмета:

– Ну и как Джейлин ее попытка?

– Она сказала, что, прежде чем вставлять его, лучше прилечь. Ей, похоже, не сильно понравилось.

* * *

В машинных снах таится особое головокружение. Тернер прилег в импровизированной казарме на девственно-чистый пласт зеленого темперлона и включился в досье. Начало – медленное, у Тернера хватило времени закрыть глаза.

Десять секунд спустя его глаза раскрылись. Он вцепился в зеленый темперлон, борясь с подступающей тошнотой. Снова закрыл глаза... Снова наплыв... мерцающий, нелинейный поток фактов и сенсорных данных, что-то вроде повествования, передаваемого при помощи сюрреалистически обрезанных и смонтированных кадров. Это отдаленно напоминало «американские горки», когда экипаж наугад застывает то в одной, то в другой фазе – сознание то меркнет, то резко проясняется, – а между ними стремительные перемещения, невероятная частота колебаний, где высота, угол съемки и ее направление меняются с каждым биением пустоты. Разве что перемещения эти по природе своей не имели ничего общего с физической ориентацией, а являлись скорее молниеносными сменами в парадигме и системах символов. Эта информация никогда не предназначалась для ввода человеку.

Открыв глаза, Тернер вытащил серый софт из разъема, сжал в липкой от пота ладони. Это было как проснуться от кошмара. Не того, от которого с криком подскакиваешь в постели и в котором импульсивные страхи обретают простые ужасающие формы, а другого, бесконечно более тревожащего нескончаемого сна, где все совершенно и до ужаса обыденно, и все же совершенно *неправильно*...

Подобная *интимность* вызывала отвращение и ужас. Тернер старался побороть волны резкой трансференции, напрягая всю силу воли, чтобы подавить чувство, в чем-то сходное с

любовью, с одержимой собственнической нежностью, какую начинает испытывать наблюдатель к объекту продолжительного наблюдения. Он понимал, что дни или часы спустя на поверхность его сознания могут теперь всплыть мельчайшие детали научной биографии Митчелла, или это будет имя любовницы, запах ее тяжелых рыжих волос в солнечном свете сквозь...

Он рывком сел, пластиковые подметки туфель ударились о ржавую палубу. На нем все еще была парка, и лежащий в боковом кармане «смит-и-вессон» больно ударил по бедру.

Это пройдет. Психодосье Митчелла развеется, как испаряется после каждого пользования «лексиконом» испанская грамматика. Он испытал на себе воздействие досье службы безопасности «Мааса», скомпилированное способным чувствовать компьютером – не более того. Тернер убрал биософт в черный конвертик, разгладил большим пальцем липучку и надел на шею шнурок.

Только тут он осознал шорох волн, плещущихся о бока буровой платформы.

– Эй, босс, – сказал кто-то из-за коричневого армейского одеяла, которое загораживало вход в спальный отсек. – Конрой говорит, пора инспектировать войска. А потом вы с ним поедете дальше. – Из-за одеяла выдвинулось бородатое лицо Оукея. – Иначе я ведь не стал бы вас будить, так?

– Я не спал, – отрезал Тернер и встал, задумчиво массируя двумя пальцами кожу вокруг вживленного разъема.

– Хреново, – посетовал Оукей. – У меня есть дермы, которые вырубают ну просто подчистую. Один час на пуговице, потом вдарить классным стимулятором, чтобы подняться на ноги, – и на дело. Без дураков...

Тернер покачал головой:

– Отведи меня к Конрою.

5
Работа

Марли сняла комнату в маленькой гостинице, где повсюду стояли зеленые растения в тяжелых медных кадках, а коридоры напоминали шахматную доску из вытертого мрамора. Лифт походил на украшенную завитушками позолоченную клетку с панелями розового дерева, от которых пахло лимонным маслом и маленькими сигарами.

Ее номер оказался на пятом этаже. Единственное высокое окно из тех, что действительно можно было открыть, выходило на авеню. Когда ушел улыбающийся коридорный, Марли рухнула в кресло, чья плюшевая обивка приятно контрастировала с приглушенными красками бельгийского ковра. В последний раз расстегнув молнии, она скинула старые парижские сапоги, потом посмотрела на дюжину глянцевых пакетов, которые коридорный разложил на кровати. «Завтра, – подумала Марли, – завтра она купит чемоданы. И зубную щетку».

– У меня шок, – сказала она сумкам на кровати. – Нужно быть осторожнее. Все теперь кажется нереальным.

Опустив глаза, она увидела дырки в колготках, от пальцев бежали тоненькие стрелки. Марли покачала головой. Ее новая сумочка, которая сейчас лежала на белом мраморном столике у кровати, была черной, сшитой из воловьей кожи, выделанной толсто и мягко, как фламандское масло. Сумочка стоила больше, чем Марли должна была Андреа за квартиру, впрочем, то же относилось и к стоимости одной ночи в гостинице. В сумочке лежали паспорт и кредитный чип, который ей выдали в галерее Дюпре. Счет на ее имя был открыт в орбитальном отделении «Недерландс Алгемеен Банк».

Марли прошла в ванную, поиграла гладкими бронзовыми рычагами огромной белой ванны. Из японского фильтрационного устройства зашипела горячая ионизированная вода. Гостиница предлагала на выбор пакетики солей для ванн, тюбики кремов и ароматизированного масла. Марли опустошила тюбик масла в наполняющуюся ванну и начала раздеваться, испытав боль потери, когда бросила на пол «Салли Стэнли». Если не считать последнего часа, оставшийся с прошлого сезона жакет был любимой и, пожалуй, самой дорогой вещью Марли за всю ее жизнь. Теперь он стал чем-то, что предстояло унести уборщицам. Возможно, он найдет себе дорогу на какой-нибудь блошиный рынок, одно из тех мест, где она сама в студенческие годы охотилась за стильными вещами по дешевке...

Ванная наполнилась ароматным паром, зеркала затуманились, побежали струйками влаги, искажающими отражение. Неужели все так просто? Неужели это тонкий золотой кредитный чип Вирека вытащил ее из убожества последних недель прямо в эту гостиницу, где слегка царапают кожу пухлые белые полотенца? Марли сознавала, что испытывает что-то похожее на головокружение, будто балансирует на краю какой-то пропасти. «Господи, насколько же на самом деле всемогущи деньги, если их много, по-настоящему много! Только Вирекам мира сего, – размышляла Марли, – дано это знать, но вполне вероятно, что осознавать это они функционально не способны. Спрашивать об этом у Вирека – все равно что допрашивать рыбу в надежде побольше узнать о воде. *Да, моя дорогая, она мокрая; да, дитя мое, она, конечно же, теплая, надушенная, шершаво-полотенчатая».*

Марли ступила в ванну, легла.

Завтра она сделает прическу. В Париже.

Прежде чем Марли вспомнила о специальной программе, телефон Андреа прозвонил шестнадцать раз. Программа, наверное, все еще подключена, а номера этой маленькой,

довольно дорогой брюссельской гостиницы, конечно же, в списке нет. Привстав, она положила трубку радиотелефона на мраморную столешницу, и телефон тут же негромко загудел.

– Посылка с курьером из галереи Дюпре.

Когда коридорный – на этот раз более молодой, смуглый, вероятно, испанец – ушел, она подошла с пакетом к окну, повертела в руках. Какой-то предмет, завернутый в единый лист темно-серой бумаги ручной выделки. Лист был свернут и подогнут тем самым загадочным японским способом, который не требовал ни клея, ни бечевки, но Марли знала, что, стоит раскрыть посылку, ей уже никогда не завернуть ее обратно. В уголке рельефно выступали название и адрес галереи, а имя Марли и название ее гостиницы были выведены от руки через весь центр посылки изящным курсивом.

Развернув бумагу, она обнаружила, что держит в руках новенький голопроектор «Браун» и плоский конверт из прозрачного пластика. В конверте оказались семь пронумерованных пластинок голофишей. За миниатюрным чугунным балконом заходило солнце, окрашивая золотом Старый Город. До Марли доносились автомобильные гудки и крики детей. Она закрыла окно и вернулась к письменному столу. «Браун» оказался обтекаемым черным параллелепипедом, работал проектор от солнечных батарей. Марли проверила напряжение и, достав из конверта первую голофишу, вставила ее в прорезь.

Над «Брауном» расцвела шкатулка, которую она видела у Вирека в смоделированном парке Гюль, засияв кристальным разрешением самых лучших музейных голограмм. Кость и золото микросхем, мертвое кружево и тусклый белый мрамор, откатившийся от кома глины. Марли покачала головой. Как удалось этому неизвестному – кто бы он ни был – расположить эти обломки, этот хлам так, что он брал за душу, вонзался в нее, как рыболовный крючок? Но потом она кивнула. Этого можно добиться, она-то знает; много лет назад такое делал человек но имени Корнелл, тот тоже создавал шкатулки.

Потом она перевела взгляд влево, туда, где по полированной поверхности стола распласталась элегантная серая бумага. Эту гостиницу, устав ходить по магазинам, она выбрала по чистой случайности. Она ни единой душе не говорила, где она, и, уж конечно, никому в галерее Дюпре.

6
Барритаун

Он пробыл без сознания часов восемь – если верить таймеру на материнском «Хитачи». Очнувшись, уставился на пыльную панель, чувствуя, как впивается в ногу какой-то острый угол. «Оно-Сендаи». Он перекатился на бок. Затхлый запах блевотины.

Потом долго стоял под душем прямо в одежде, не уверенный, а как он, собственно говоря, туда попал. Крутил краны, тер лицо. На ощупь оно казалось резиновой маской.

– Что-то стряслось.

Что-то скверное, огромное – он не был уверен, что именно.

На кафельном полу в душе постепенно росла горка мокрой одежды. Наконец он выключил воду, подошел к раковине и, отбросив с глаз мокрые волосы, всмотрелся в лицо в зеркале. Бобби Ньюмарк, никаких проблем...

– Нет, Бобби, проблема. У нас проблема ..

С полотенцем на плечах, оставляя мокрые следы, он прошлепал через узкий коридор в свою крохотную треугольную спальню в задней части кондо. Как только он переступил порог, с готовностью зажегся голографический порномодуль. Полдюжины девушек заулыбались, с очевидной радостью встречая хозяина. Они стояли будто за стенами комнаты, в дымчатой перспективе мучнисто-голубого пространства, их белозубые улыбки и упругие молодые тела казались неоново яркими. Двое придвинулись ближе и стали ласкать друг друга.

– Хватит, – приказал Бобби.

Проекционный модуль по его команде отключился; сказочные девицы исчезли. Раньше модуль принадлежал старшему брату Линга Уоррена, прически и одежда устарели и выглядели довольно нелепо. С девицами можно было поболтать и заставить их делать всякое друг с другом и с самими собой. Бобби вспомнил, как в тринадцать лет был влюблен в Брэнди, брюнетку в синих прорезиненных штанишках. Теперь он ценил проекцию в основном за иллюзию пространства, которую она привносила в импровизированную спальню.

– Что-то, черт побери, стряслось, – повторил он, натягивая черные джинсы и почти чистую рубашку. Он покачал головой: – Что? Что, мать вашу?

Сбой тока на линии? Какая-то дурацкая акция внутри самой Ядерной Комиссии? А может, база, в которую он попытался вломиться, как раз в этот момент перенесла какой-нибудь странный общий крах, или кто-то атаковал ее из другого сектора матрицы... Но оставалось еще ощущение от *встречи,* встречи с кем-то, кто... Сам того не осознавая, Бобби вытянул правую руку, умоляюще раскрыл ладонь.

– Блин! – выдохнул он.

Пальцы сжались в кулак. И вдруг все вернулось: сперва ощущение чего-то большого, поистине огромного, что тянется к нему через киберпространство, а потом смутный девичий облик. Стройная, каштановые волосы, затаилась где-то в странной яркой темноте, полной ветра и звезд. Но когда его разум потянулся за ними, образы ускользнули.

Сообразив, что голоден, Бобби сунул ноги в сандалии и направился назад в сторону кухни, вытирая по дороге голову влажным полотенцем. Проходя через гостиную, он заметил, что с ковра на него уставился горящий глаз индикатора «ВКЛЮЧЕНО» на «Оно-Сендаи». Застыв на месте, Бобби с шумом втянул воздух через стиснутые зубы. Дека все еще подключена. Может ли она до сих пор быть на связи с базой, которую он пытался прокачать? Могут ли на базе определить, выжил он или нет? Он понятия не имел. Одно Бобби знал наверняка: у них есть его номер и адрес. Он же не подумал о реле и автоматических обманках, которые помешали бы им запустить обратный поиск.

У них есть его адрес.

Забыв о голоде, Бобби метнулся в ванную и начал копаться в сырой одежде, пока не нашел кредитный чип.

У него было двести десять новых иен, припрятанных в полой пластмассовой ручке универсальной отвертки. Надежно запрятав отвертку и кредитный чип в карман джинсов, он натянул пару самых старых и самых тяжелых своих ботинок, потом выгреб из-под кровати грязную одежду. Нашел черную парусиновую ветровку, по меньшей мере с дюжиной карманов, один из них, огромный длинный кисет, тянулся вдоль поясницы – что-то вроде внутреннего рюкзака. Под подушкой лежал японский гравитационный нож с оранжевой рукоятью – оружие отправилось в карман на левом рукаве пиджака, поближе к обшлагу.

Когда он уходил, вспыхнули сказочные принцессы:

– Бобби, Бобби-и-и-и, вернись, поиграем...

В гостиной он вырвал коннектор «Оно-Сендаи» из торца «Хитачи», свернул оптоволоконный провод и засунул его в карман. То же самое произошло с набором тродов, за ними в карман-кисет куртки проскользнул и «Оно-Сендаи».

Занавески все еще были задернуты. Бобби почувствовал прилив нового, радостного возбуждения Он уходит. Должен уйти. Он успел позабыть трогательную нежность к этому месту, порожденную прикосновением смерти. Осторожно раздвинув шторы, Бобби выглянул в образовавшуюся щель размером с ноготь большого пальца.

* * *

Вечерело. Через несколько часов на темных громадах Проектов замигают первые огни. Большая Площадка уходила вдаль, как бетонное море. На противоположном его берегу вставали Проекты, гигантские прямоугольные строения, кое-где смягченные случайными наслоениями подвесных оранжерейных террас, рыборазводных резервуаров, систем солнечного отопления и вездесущих антенных блюдец. Дважды-в-День сейчас, наверное, там, спит в своем мире, который Бобби никогда не видел, в мире самодостаточного здания-улья. Дважды-в-День спускался вниз по делам, в основном – с хотдоггерами Барритауна, а потом взбирался обратно наверх. Бобби всегда казалось, что наверху хорошо — сколько всего происходило на балконах по ночам! Среди красных пятен костров стайками обезьянок в одном белье крутились ребятишки, такие маленькие, что их едва было видно. Иногда ветер менялся, и на Большую Площадку сносило кухонные запахи, а иногда было видно, как из какой-нибудь потайной страны высоко-высоко на крыше выплывает легкая авиетка. И всегда – сплав сотен ритмов из тысяч динамиков, волны музыки, которая пульсирует и растворяется в порывах ветра.

Дважды-в-День никогда не говорил о том, какая жизнь там, где живет он. Дважды-в-День говорил о деле или, если желал вести светскую беседу, о женщинах. То, что Дважды-в-День говорил о женщинах, больше, чем что-либо, заставляло Бобби мечтать вырваться из Барритауна, но он прекрасно понимал, что бизнес – его единственный билет отсюда. Правда, теперь дилер ему был нужен совсем по другой причине – происходящее оказалось ему, Бобби, совершенно не по зубам.

Может, Дважды-в-День скажет ему, что происходит. Предполагалось же, что ничего «мокрого» не будет. Дважды-в-День сам выбрал для Бобби эту базу, потом дал напрокат софт, необходимый для того, чтобы прорваться внутрь. И Дважды-в-День был готов перепродать все, что ему удалось бы оттуда вытащить. Так что толкач должен знать. Во всяком случае, хоть *что-то.*

— У меня нет даже номера твоего телефона, мужик, – сказал Бобби, обращаясь к Проекту и давая шторе упасть. Может, нужно оставить что-то для матери? Записку? – Уношу ноги, – сказал он комнате у себя за спиной, – и куда *подальше.* – И вот он уже за дверью и бежит по коридору, направляясь к лестнице. – *Навсегда,* — добавил он, открывая ногой входную дверь.

Большая Площадка выглядела вполне безопасно, если не считать одинокого полуголого торчка, погруженного в яростный спор с Господом Богом. Бобби обошел торчка по широкой дуге – тот кричал, подпрыгивал и рубил воздух ударами каратэ. Голые ноги полоумного были покрыты засохшей кровью вперемешку с пылью и остатками того, что было, вероятно, прической долика.

Большая Площадка – нейтральная территория, по крайней мере теоретически, и долики с год назад заключили – правда, достаточно непрочный – союз с готиками. У Бобби были довольно прочные связи среди готиков, хотя он и сохранял за собой статус независимого. Барритаун – рисковое место для того, чтобы быть независимым. «Во всяком случае, – думал Бобби, пока стихала за спиной гневная тарабарщина торчка, – банды создают хоть какую-то структуру. Если ты готик, а тебя покоцали казуары – в этом есть хоть какой-то смысл. Может, основная причина и совершенно идиотская, зато есть правила. А независимые становятся добычей обдолбанных маньяков – хищных одиночек, скитающихся по окраинам Ржавого Пояса[5] до самого Нью-Йорка. Вспомнить только этого Сборщика Пенисов прошлым летом, этот тип носил свое добро в кармане в пластиковом мешке...»

Сколько Бобби себя помнил, он пытался отыскать способ выбраться из этого ландшафта, – или, во всяком случае, теперь ему так казалось. Теперь, когда он шел в клуб и по спине ему била спрятанная во внутреннем кармане киберпространственная дека. Как будто и она тоже подгоняла его выбраться.

– Давай же, Дважды-в-День, – сказал он неясным очертаниям Проектов, – спускай сюда свою жопу и окажись у Леона, когда я туда дойду, ладно?

Дважды-в-День у Леона не было.

Никого там не было, если не считать самого Леона, который копался сложенным в несколько раз обрывком бумаги во внутренностях настенного экрана.

– Почему бы тебе не взять молоток и не бить по этой хреновине до тех пор, пока она не заработает? – спросил Бобби. – Результат был бы примерно тот же.

Леон поднял глаза. Лет ему, вероятно, было под сорок, но точно сказать было сложно. Леон, казалось, вообще не принадлежал ни к какой расе, или же представлял отдельную расу сам по себе. Множество гипертрофированных лицевых костей, жуткие глаза и грива вьющихся, поглощающих свет черных волос. Его подвальный пиратский клуб последние два года был постоянной составляющей жизни Бобби.

Теперь вот Леон тускло уставился на него своими кошмарными глазами. Хитиново-серые зрачки подернуты прозрачным оливковым налетом. Глаза Леона неизменно наводили Бобби на мысль об устрицах и лаке для ногтей. Две вещи, о которых не слишком приятно думать в сочетании с глазами. Цветом они походили на материал для обивки табуретов в барах.

– Я только хотел сказать, что так, просто в нее тыкая, эту хрень не наладишь, – чувствуя себя не в своей тарелке, добавил Бобби.

Медленно покачав головой, Леон вернулся к своим изысканиям. Люди платили за то, чтобы попасть в клуб, потому что его владелец промышлял пиратскими фильмами и симстим-записями с кабеля, гоняя многое такое, что барритаунцы иначе не могли себе поз-

[5] Индустриальный север США.

волить. В задней комнате заключались сделки и можно было внести «пожертвования» на спиртное, в основном чистый индейский самогон из Огайо, разбавленный каким-то синтетическим апельсиновым напитком, который Леон добывал в промышленных количествах.

– Гм, скажи, Леон, – снова начал Бобби, – ты в последнее время не видел Дважды-в-День?

Кошмарные глазки снова глянули вверх и смотрели на Бобби, казалось, целую-целую вечность.

– Нет.

– Может, прошлым вечером?

– Нет.

– А позапрошлым?

– Нет.

– Вот как? Ладно. Спасибо.

Нет смысла приставать к Леону. Если на то пошло, есть множество причин этого не делать. Бобби оглядел просторное полутемное помещение, симстим-модули и неосвещенные киноэкраны. Клуб представлял собой череду одинаковых комнатушек в подвале наполовину пустующего блока лесов, предназначенных для однокомнатных квартир и производственных точек легкой промышленности. Хорошая звукоизоляция: снаружи музыки вообще не слышно. Сколько раз по ночам, когда в голове грохотали рок и «колеса», он вываливался от Леона на улицу будто в магический вакуум тишины, от которой гудело в ушах всю дорогу через Большую Площадку.

Теперь у него оставался еще час до того, как станут прибывать первые готики. Дилеры – в основном черные с Проектов или белые из города или с какой-нибудь окраины – не покажутся до тех пор, пока здесь не будет приличной грядки готиков, которую можно обрабатывать. Ничто так не портит репутацию дилера, как торчать в клубе и ждать у моря погоды – это будет значить только то, что ты ни хрена ловить не умеешь. Ни один по-настоящему крутой дилер не станет ошиваться у Леона просто так, за-ради удовольствия. Не то, что хотдоггерский сброд со своими дешевыми деками, собирающийся у Леона по уикендам – посмотреть японскую киношку о ледорубах.

«Но ведь Дважды-в-День не из таких, – говорил Бобби самому себе, поднимаясь по бетонным ступеням. – Дважды-в-День знает, к чему стремиться. Подальше от Проектов, подальше от Барритауна, подальше от Леонова клуба. В Город. В Париж или даже, может быть, Тибу.» «Оно-Сендаи» бил по пояснице. Он вспомнил, что дискета с ледорубом Дважды-в-День осталась внутри. Бобби ни с кем не хотелось объясняться по этому поводу. Он прошел мимо киоска новостей. За пластиковым окошком по зеркальному желобу полз желтый факс нью-йоркского издания «Асахи Симбун» – в Африке рухнуло какое-то правительство, русские делают что-то на Марсе...

Было то время суток, когда все видится очень отчетливо, когда явственно проступает любая мелочь на другой стороне улицы. Свежая зелень, только-только начинающая пробиваться на темных ветвях чахнущих в дырах асфальта деревьях. И вспышка стальной пряжки на сапоге девушки в дальнем конце квартала видна так ясно, как будто смотришь сквозь особую воду, которая облегчает зрение, даже если уже почти темно. Он повернулся и стал смотреть вверх на Проекты. Целые этажи там были вечно темными: то ли заброшены, то ли окна там зачернены. Интересно, что там происходит? Возможно, он когда-нибудь спросит об этом у Дважды-в-День.

Бобби поглядел время на часах в киоске «Коки». Мажь уже, наверное, вернулась из Бостона, должна была вернуться, иначе пропустит серию любимого «мыла». Да уж, вернулась – с новой дыркой в голове. Она и без того чокнутая. Разъем, который она вживила себе еще до его рождения, вполне нормально работал, но она вот уже несколько лет ныла

о статике, разрешении и сенсорных перегрузках, так что набрала наконец кредитов, чтобы поехать в Бостон ради какой-то там замены. Дешевка, а не клиника, даже не нужно заранее договариваться об операции. Входишь, они раз – и вбивают тебе в голову железку с кремнием... Да уж, он ее знает... Вот она входит в гостиную с завернутой в шарф бутылкой под мышкой и, даже не сняв пальто, идет к «Хитачи», чтобы подключиться и мылить себе мозги добрых шесть часов кряду. Взгляд у нее становится расфокусированным, и временами, если встречается действительно классный эпизод, она начинает тихонько бредить. Примерно каждые двадцать минут она вспоминает по-дамски пригубить из бутылки.

Она всегда была такой, сколько он ее помнил. Постепенно соскальзывала все глубже и глубже в свои «иные», синтетические жизни, в мир многосерийных симстим-фантазий, которые Бобби приходилось выслушивать всю свою жизнь. Он до сих пор не мог отделаться от жутковатого ощущения, что некоторые персонажи, о которых она так много говорила, – это его родственники, богатые и прекрасные тетушки и дядюшки, которые могли бы однажды и объявиться, не будь он таким маленьким засранцем. «Может быть, – думал он теперь, – в каком-то смысле так оно и есть.» Она врубалась в эту фигню в течение всей беременности – сама ему об этом рассказывала, – так что свернувшийся там, внутри нее, будущий Бобби Ньюмарк впитал в себя тысячи и тысячи часов «Важных мира сего» и «Атланты». Но об этом он не любил думать – о том, что лежал, свернувшись, в животе Марши Ньюмарк. От этого он потел и к горлу подступала тошнота.

Мама-Марша. Только в последний год или около того Бобби начал достаточно хорошо понимать окружающий мир (как он теперь это сознавал), чтобы спросить себя, как же ей удастся жить такой жизнью, такой тупой и беспросветной, что всех радостей – лишь эта ее бутылка и призраки из разъема? Время от времени, когда она была в подходящем настроении и после нужного числа глотков, она еще пыталась рассказывать байки о его отце. С четырехлетнего возраста Бобби знал, что все это дерьмо собачье, потому что детали раз от разу менялись, но с годами он даже начал находить в этих историях определенное удовольствие.

В нескольких кварталах к западу от клуба Леона нашелся разгрузочный тупик, отделенный от улицы синим стальным контейнером, на щербатых и погнутых стенках которого поблескивала свежая краска. Над тупичком косо висела одинокая галогенная трубка. Бобби отыскал удобный бетонный выступ и сел, стараясь не прижать к стене «Оно-Сендаи». Иногда приходится просто ждать. Это было одним из правил, которым научил его Дважды-в-День.

Контейнер был до краев завален мешаниной самых разнообразных промышленных отбросов. Барритаун не обошелся без своей доли «серых», полулегальных производителей, той самой «теневой экономики», о которой так любят трепаться физиономии в новостях. Бобби никогда не обращал внимания на эти рожи. Бизнес. Все это бизнес – ни больше, ни меньше.

Вокруг галогенной трубки мельтешили по кривым орбитам мотыльки. Пустым взглядом Бобби смотрел, как трое малышей, самое большее лет десяти, штурмовали синюю стену контейнера при помощи грязно-белой нейлоновой веревки с привязанной к ней самодельной «кошкой», которая, вполне вероятно, раньше была частью одежной вешалки. Когда в самую гущу мусорного пластика перевалил последний, веревка быстро утянулась наверх. Мусор тут же начал шуршать и поскрипывать.

«Совсем как я, – подумал Бобби, – я тоже раньше возился в таком же дерьме, заваливая комнату диковинным хламом.» Однажды сестра Линга Уоррена нашла в таком контейнере большую часть чей-то руки, рука была завернута в зеленый пластик, стянутый резинками.

Когда у Мамы-Марши случались двухчасовые приступы религиозности, она заявлялась в комнату Бобби, выметала весь его лучший хлам и налепляла над кроватью какие-нибудь Богом проклятые самоклеящиеся голограммы. Может, Иисуса, может, Хаббарда,

может, Деву Марию. Когда на нее находило, ей это, в общем, было без разницы. Обычно это основательно выводило Бобби из себя, пока не настал тот день, когда он настолько вырос, что пришел в гостиную с разводным ключом в руках и занес его над «Хитачи». «Попробуй только еще раз тронуть мои вещи, и я прикончу твоих друзей, мама, всех до одного». Она никогда больше не пробовала. Но клеющиеся голограммы все же как-то на Бобби подействовали, потому что религия стала для него чем-то, что он, как ему казалось, рассмотрел и отложил в сторону. Он пришел к выводу, что есть люди, которые по природе своей нуждаются в этом дерьме. Он предположил: такие были всегда – но сам он не из них, а значит, ему оно и не нужно.

Над стенкой контейнера показалась мордочка одного из малышей, вот он вспрыгнул на край и, прищурившись, произвел обзор прилегающей территории, потом снова скрылся из виду. Послышался глухой скрежет. Белые ручонки перекинули через стенку побитую жестяную канистру и стали спускать ее на веревке вниз. «Хорошая добыча, – подумал Бобби, – такое можно толкнуть торговцу металлом и даже чего-то выручить». Канистра легла на тротуар примерно в метре от ботинок Бобби. Коснувшись асфальта, она случайно повернулась, показав ему шестирогий символ биологической опасности.

– Эй, мать вашу! – выдохнул он, рефлекторно отдергивая ногу.

Один из малышей соскользнул вниз по веревке и выровнял канистру. За ним спустились оставшиеся двое. Тут Бобби увидел, что они еще младше, чем он думал.

– Эй, – сказал он, – а вы знаете, что это может оказаться настоящая дрянь? Подхватите рак и все такое прочее.

– Полижи собаке жопу, пока кровь не потечет, – посоветовал ему тот, что спустился первым, пока остальные отцепляли «кошку» и сворачивали веревку. Потом ребятишки потащили канистру за угол контейнера и скрылись из виду.

Он дал себе еще полтора часа. Достаточно времени: у Леона уже начинало бурлить.

По меньшей мере двадцать готиков картинно позировали в основной комнате – этакое стадо детенышей динозавров: вздрагивают и подпрыгивают гребни залаченных волос. Большинство приближалось к готическому идеалу: высокие, сухощавые, мускулистые, но с оттенком мрачной неудовлетворенности, – молодые атлеты на ранних стадиях чахоточного увядания. Кладбищенская бледность была обязательной, а волосы готиков были по определению черными. Бобби знал, что тех немногих, кто не смог исказить свое тело так, чтобы вписаться в канон субкультуры, лучше избегать: невысокий готик – неприятности, толстый готик – убийство.

Сейчас он смотрел, как они извиваются и поблескивают у Леона единым составным существом, скользкой трехмерной головоломкой с рваной поверхностью из черной кожи и стальных шипов. Почти идентичные лица, черты которых смоделированы в соответствии с древними архетипами, вытащенными из какого-то видеоархива. Бобби выбрал особо искусственного дьякона, чей гребень покачивался, как брачный танец ночной ящерицы.

– Брат, – начал Бобби, будучи не совсем уверенным, встречал ли он этого парня раньше.

– Мой человек, – лениво отозвался дьякон, его левая щека была оттянута смоляной жвачкой. – Это Счет, бэби. – Как бы в сторону, своей девушке. – Прерывание на Счет Ноль. – Длинная бледная рука со свежими струпьями на тыльной стороне ладони погладила округлый задок под черной юбкой. – Счет, это моя мочалка.

Готическая девица поглядела на Бобби с умеренным интересом, но безо всякой вспышки человеческого узнавания, как будто перед ней возникла реклама продукта, о котором она слышала, но вовсе не собиралась покупать.

Бобби оглядел толпу. Множество пустых лиц, но ни одного знакомого. И никакого Дважды-в-День.

– Слушай, – Бобби доверительно понизил голос, – это, знаешь, в общем-то, не так уж срочно, но я ищу одного близкого друга, делового друга... – Готик на это глубокомысленно качнул гребнем. – Проходит как Дважды-в-День... – Бобби помедлил. Готик отрешенно жевал свою смолу. Девица явно скучала, ей было неспокойно. – Толкач, – добавил он, поднимая брови, – черный толкач.

– Дважды-в-День, – промычал готик. – Конечно. Дважды-в-День. Правильно, бэби?

Девица вскинула голову и отвела взгляд.

– Ты его знаешь?

– Конечно.

– Он сегодня здесь?

– Нет, – бессмысленно улыбнулся готик.

Бобби открыл было рот, закрыл его и заставил себя кивнуть.

– Спасибо, брат.

– Все что угодно для моего человека, – механически отозвался готик.

Еще час, и все на том же самом месте. Слишком много белого, меловой готической белизны. Накрашенные плоские глаза девиц, каблуки сапог, как эбеновые иглы. Бобби старался держаться подальше от комнаты с симстимами, где Леон гонял какую-то траханую пленку о джунглях, которая перебрасывала зрителя то в одно, то в другое животное. К тому же сплошь вывихнутые приключения в кронах, которые, как Бобби считал, напрочь лишают человека ориентации. Он был уже так голоден, что голова казалась легкой и будто расширялась изнутри – или, быть может, это был остаточный эффект того, что случилось с ним ранее? Но теперь ему все с большим трудом удавалось сосредоточиться, и мысли уплывали в самых неожиданных направлениях. Например: кто же умудрился залезть на эти деревья со змеями, чтобы приспособить, ну, скажем, вот этих вот крыс для стим-съемки?

Готики, однако, на это клевали. Они дрались и трахались, причем с особым энтузиазмом – пребывая в роли древесных крыс.

Совсем рядом, слева от него, но на значительном расстоянии от симстима, стояли две девушки с Проектов. Их причудливая экипировка резко контрастировала с монохромностью готиков. Длинные черные фраки открывали узкие красные жилетки из шелковистой парчи, полы огромных белых рубашек свисали значительно ниже колен. Темные лица были затенены широкими полями федор[6], проколотых и увешанных фрагментами антикварных побрякушек: булавок, коронок, шпилек, даже механических часиков – и все золотое. Бобби тайком наблюдал за ними. Одежда говорила о том, что у них есть деньги, – но и о том, что найдется кому позаботиться, чтобы любому, кто позарится на эти побрякушки, это будет стоить головы. Дважды-в-День как-то раз спустился с Проекта в домашнем комбинезоне из льдисто-голубого вельвета с алмазными пряжками у колен, как будто у него не было времени переодеться. Бобби тогда вел себя так, как будто толкач одет в обычную свою коричневую кожу. Он еще тогда решил, что в делах главное – космополитический подход.

Он попытался представить себе, что подходит к этим дамочкам, этак небрежно и плавно, подходит, представляется с поклоном и спрашивает: «Дорогие мои, я уверен, вы знаете моего доброго знакомого, мистера Дважды-в-День». Но обе они были старше его, выше ростом, и держались с пугающим достоинством. Скорее всего, они просто рассмеются, но почему-то вот этого Бобби совсем не хотелось.

А хотелось ему сейчас, и даже очень – чего-нибудь съесть. Бобби пощупал сквозь грубую ткань джинсов кредитный чип. Пожалуй, стоит перейти улицу и купить сэндвич... Тут он вспомнил, почему он здесь, и внезапно ему показалось, что пользоваться чипом было бы не очень разумно. Если его засекли на этом неудачном набеге, то у них уже есть номер его

[6] мягкая фетровая шляпа с широкими полями.

чипа; если он использует чип, то засветится в киберпространстве. Любой, кто охотится за ним в матрице, увидит чип в решетке Барритауна, как мигание фар дальнего света на темном футбольном поле. У него есть наличные, но за еду ими не заплатишь. Иметь их при себе – в этом нет ничего незаконного; просто никто никогда не делал с деньгами ничего легального. Придется найти готика с чипом, купить за новые иены кредит – скорее всего, с грабительской скидкой, потом заставить готика заплатить за еду. И чем, скажите на милость, брать сдачу?

«Может, ты просто себя накручиваешь», – сказал он самому себе. Он же не знает наверняка, проследил ли кто-нибудь его обратный путь, да и база, которую он пытался взломать, была вполне добропорядочной. Во всяком случае, ей полагалось быть таковой. Вот почему Дважды-в-День велел ему не беспокоиться насчет черного льда. Кто станет ставить смертельные программы обратной связи вокруг места, которое сдает в прокат мягкое порно? План в том и заключался, что Бобби умыкнет пару часов цифрового кино, самого свежего, которое еще не вышло на пиратский рынок. Из-за такой добычи не убивают...

Но кто-то же попытался. И случилось что-то еще. Что-то совсем иное. Он снова потащился вверх по лестнице, прочь из клуба. Бобби прекрасно понимал, что существует много всякого, чего он о матрице не знает, но никогда ему еще не доводилось слышать ни о чем настолько жутком... Есть, конечно, истории о духах и привидениях... есть полоумные хот-доггеры; он сам слышал, как парочка таких клялась, что они видели в киберпространстве черт знает что. Правда, он тогда подумал про себя, что эти вильсоны просто подключились под кайфом. Словить глюк в матрице можно с той же легкостью, как и в любом другом месте.

А вдруг именно это и произошло? Голос был просто частью умирания, расплющивания сознания – какой-нибудь безумный фортель, какой выкидывает мозг, чтобы облегчить тебе смерть, плюс сбой в источнике питания или, может, частичное затемнение в их секторе решетки, так что лед ослабил хватку как раз на его нервной системе.

Может быть. Но он ведь ничего толком не знает. Ни черта не знает. Не так давно его стало грызть собственное невежество, мешая предпринимать необходимые шаги. Он не особенно задумывался об этом раньше, но он же и вправду ничего... ну, в общем, ни о чем не знает. По правде говоря, пока он не начал работать с декой, ему казалось, он знает все, что нужно. Такими были, если уж на то пошло, готики. Вот почему готики были тем, чем они были, и сгорали на «пыли», или их крошили казуары; и естественный отбор оставлял в результате какой-то процент, который непонятным образом превращался в следующую волну барритаунцев, рожающих детей и покупающих кондо, и все шло по новой.

Он – как ребенок, который вырос возле океана, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся, как небо над головой, но ничего не зная ни о течениях, ни о маршрутах перевозок, ни о прихотях погоды. Деками он пользовался еще в школе. Эти игрушки, как на ракете, проносили тебя по беспредельному космосу, который не был космосом, – по немыслимо сложной консенсуальной галлюцинации человечества – по матрице киберпространства. Киберпространства, где огромные сердечники корпораций горят, как неоновые сверхновые, где данные нагромождены так плотно, что если ты пытаешься разглядеть нечто большее, нежели простейший силуэт, у тебя начинает раскалываться голова.

Но с тех пор, как он взялся за деку всерьез, кое-что он стал понимать. Ну просто до смешного мало он знает о том, как все это работает. И не только в матрице. Каким-то образом это понимание выплеснулось через край, и он начал задумываться, задумываться и задавать вопросы. Какой механизм управляет Барритауном? Что поддерживает на плаву мать? Почему готики и казуары с такой энергией пытаются перебить друг друга? Или почему Дважды-в-День чернокожий и живет где-то на Проекте, и что это меняет?

Идя к выходу, Бобби не переставал искать дилера. Белые лица, снова белые лица. В животе урчало. Бобби подумал о свежей упаковке пшеничных отбивных. Дома, в морозильнике – поджарить бы их с соей и разорвать пакет с вафлями из криля...

Проходя мимо киоска «Коки», он снова сверился с часами. Марша уже, конечно, дома, погружена в лабиринт хитросплетений «Важных мира сего», в жизнь героини сериала, которую она разделяет через свой разъем вот уже более двадцати лет. Факс «Асахи Симбун» все катился вниз в своем окошечке, и Бобби подошел поближе как раз в тот момент, когда по желобу соскользнуло первое сообщение о бомбардировке блока «А» на третьем уровне в «Ковина-Конкорс-Коуртс», Барритаун, Нью-Джерси...

Потом сообщение пропало, убежало вниз, а вместо него вылез репортаж об официальных похоронах кливлендского босса якудза. Традиции незыблемы. У всех в руках черные зонты.

А он всю свою жизнь прожил на третьем уровне блока «А».

Над городом нависло огромное нечто, нависло, чтобы раздавить в лепешку Маршу Ньюмарк и ее «Хитачи». Но, конечно же, бомба предназначалась не ей – ему.

– Да, кто-то не теряет времени даром, – услышал он собственный голос.

– Эй! Мой человек! Счет! Ты что, обдолбался, брат? Эй! Ты куда?

Глаза двух дьяконов вылезли из орбит, провожая взглядами его паническое бегство.

7
Город в пустыне

Конрой резко крутанул руль влево, заставив синий «фоккер» свернуть с выветренной ленты довоенного шоссе, и сбросил скорость. Петушиный хвост бледной пыли, тянувшийся за ними от Нидлеса, начал оседать. Остановившись, ховер сел на свою воздушную подушку.

– Тут место сбора, Тернер.

– Что тут стряслось? Что прикончило этот город?

Прямоугольник бетонной площадки убегал к неровным стенам полуразвалившихся выгоревших зданий.

– Экономика, – отозвался Конрой, – еще до войны. Его так и не достроили. В десяти минутах езды к западу – разметка на целые кварталы: лежат решетки под мостовые и фундаменты. И никаких домов, ничего.

– Сколько человек в команде полигона?

– Девять, не считая тебя. Плюс медики.

– Какие еще медики?

– Из «Хосаки». «Маас» занимается биотехнологиями, так? Кто знает, чем они могли начинить нашего мальчика? Так что «Хосака» собрала небольшой бокс профессиональной нейрохирургии, обслуживают его три спеца. Двое – люди компании, а третья, кореянка, собаку съела на подпольной медицине. Трейлер хирургов в том длинном бараке, – он указал влево. – Там сохранилась часть крыши.

– Как его сюда затащили?

– Привезли из Таксона внутри цистерны. Изобразили аварию. Выволокли из цистерны, закатили внутрь. Для этого понадобились все имеющиеся руки. Ушло минуты три, наверное.

– «Маас»? – спросил Тернер.

– Конечно, – Конрой заглушил моторы. – Неизбежный риск, – произнес он во внезапно наступившей тишине. – Может, они его и проморгали. Наш парень – тот, что сидел в цистерне, – все время ругался по рации своему диспетчеру, что этот сраный теплообменник у него в печенках уже сидит и сколько понадобится времени, чтобы его наладить. Уверен, они это слышали. Знаешь способ получше?

– Нет. Учитывая, что клиент желает, чтобы эта махина стояла на полигоне. Но мы здесь торчим посреди зоны захвата с их спутников.

– Сердце мое, – фыркнул Конрой, – а может, мы просто остановились потрахаться. Привал по дороге в Таксон, так? Здесь как раз такое место. Знаешь ли, тут люди останавливаются, чтоб пописать. – Он сверился с черным хронометром «порше». – Я должен быть там через час, чтобы застать обратный вертолет на побережье.

– На платформу?

– Нет. За твоим чертовым реактивным. Решил сам с ним разобраться.

– Хорошо.

– Я, правда, выбрал бы экранолет фирмы «Дорнье». Оставил бы его ждать чуть дальше по дороге, пока не увидим, что Митчелл на подходе. Экранолет подкатывает, когда медики уже почистили Митчелла. Мы забрасываем его внутрь и летим к границе Соноры...

– Со сверхзвуковой скоростью, – сказал Тернер. – Не выйдет. Ты отправляешься в Калифорнию покупать этот реактивный. Наш мальчик вылетит отсюда на многоцелевом боевом самолете, который еще даже не успел устареть.

– У тебя есть пилот на примете?

– Я, – Тернер постучал по разъему за ухом. – Эта встроенная система полностью интерактивна. Тебе продадут программное обеспечение интерфейса, а я подключусь напрямую.

– Не знал, что ты умеешь управлять самолетом.

– Не умею. Но чтобы дотянуть до Мехико-сити, не нужно быть летчиком.

– Ты все тот же рисковый парень, а, Тернер? Знаешь, ходят слухи, что тебе там, в Нью-Дели, взрывом член оторвало? – С холодной и деланно невинной ухмылкой Конрой повернулся, чтобы взглянуть в лицо Тернеру.

Тернер выкопал из-за сиденья парку, достал пистолет и коробку с патронами. Он уже начал было заталкивать парку назад, но Конрой сказал:

– Возьми с собой. По ночам здесь адски холодно.

Тернер потянулся к замку кабины, Конрой уже снова запускал моторы. Поднявшийся на несколько сантиметров ховер слегка качнулся, когда Тернер резко откинул крышку кабины и выбрался наружу. Слепящее солнце и горячий бархат воздуха. Вынув из кармана синей спецовки свои мексиканские солнечные очки, Тернер надел их. На нем были белые теннисные туфли и тропический армейский костюм. Коробка зарядов пошла в один из боковых карманов штанов. Пистолет он оставил в правой руке, парка свернута под локтем левой.

– Иди к длинной постройке! – крикнул Конрой, перекрывая шум моторов. – Там тебя ждут.

Тернер спрыгнул вниз – в доменный жар и сияние пустынного полдня, а Конрой, развернув «фоккер», вывел его назад на трассу. Тернер смотрел, как ховер набирает скорость, уходя на восток, его уменьшающийся силуэт перекашивало подрагивающим маревом поднимающегося от асфальта жара.

Когда «фоккер» скрылся из виду, стало совсем тихо. Никакого движения. Тернер повернулся к развалинам. Меж двух валунов метнулось что-то маленькое и серое.

На расстоянии метров восьмидесяти от трассы начинались зазубренные стены. Утрамбованной площадке перед ними когда-то предстояло стать автостоянкой.

Пять шагов вперед... Тернер остановился. Внезапно он услышал море, грохот прибоя, мягкие взрывы, с которыми опадали волны. Пушка в руке – слишком большая, слишком реальная, металл уже греется на солнце.

«Нет моря, – сказал он самому себе, – никакого моря, ничего здесь не слышно». Он пошел дальше, пляжные туфли скользили по россыпям битого оконного стекла, сдобренного бурыми и зелеными кругляшами бутылочных осколков. Ржавые диски, бывшие когда-то бутылочными пробками, сплющенные прямоугольники – трупы алюминиевых банок. Над низкими островками кустов роились насекомые.

Прошло. Кончено. Есть полигон. Нет времени.

Он опять остановился, подавшись вперед, будто выискивая что-то, что помогло бы ему назвать нечто неуклонно в нем нараставшее. Какая-то пустота...

Этот город мертв вдвойне. Отель на мексиканском пляже все-таки был когда-то живым, хотя бы один сезон...

За автостоянкой – залитый солнцем выгоревший блок, дешевый и бездушный. Он ждал.

Они сидели на корточках в узкой полоске тени от серой стены. Трое. Еще до того, как их увидеть, Тернер почувствовал запах кофе, закопченный котелок ненадежно балансировал на крохотном примусе. Конечно, запах предназначался ему – это значило, что его ждут. Иначе развалины оказались бы пусты, а потом он умер бы – каким-то образом, очень тихо и почти естественно.

Двое мужчин и женщина. Потрескавшиеся ковбойские сапоги. Грубый хлопок одежды настолько засален, что, наверное, даже не пропускает воду. Мужчины бородаты, нестриже-

ные волосы стянуты сзади сыромятными шнурками в выгоревшие на солнце пучки. Волосы женщины разделены на прямой пробор и убраны с обветренного, в шрамах, лица. К стене прислонен древний мотоцикл «БМВ» – хромировка в пятнах грязи и ржавчины, облупившаяся краска замазана пятнами пульверизаторной эмали бежевого и серого пустынного камуфляжа.

Он отпустил рукоять «смит-и-вессона», дав пистолету прокрутиться на указательном пальце, так что ствол в результате уставился назад и вверх.

– Тернер, – сказал, поднимаясь, один из мужчин, во рту у него сверкнул дешевый металл. – Я Сатклифф. – След акцента, вероятно, австралиец.

– Дозорная команда? – он поглядел на остальных.

– Дозорная, – запустив большой и указательный пальцы в рот, Сатклифф извлек пожелтевший протез со стальными коронками. Его собственные зубы были белыми и совершенно ровными. – Ты вывез Шовье из «Ай-Би-Эм» в «Мицу», – сказал он, – и еще, говорят, вытащил Семенова из Томска.

– Это вопрос?

– Я работал в службе безопасности «Ай-Би-Эм» в Марракеше, когда ты взорвал гостиницу.

Тернер встретился с ним взглядом. Глаза у Сатклиффа были голубые, спокойные и очень яркие.

– Это осложняет дело?

– Ничуть, – усмехнулся Сатклифф. – Просто чтобы показать, что я видел тебя за работой. – Он щелчком поставил протез на место. – Линч. – Кивок в сторону второго мужчины. – И Уэббер. – В сторону женщины.

– Какой тут расклад? – спросил Тернер, задвигаясь глубже в клочок тени. Он присел на корточки, все еще не выпуская из рук пистолета.

– Мы приехали три дня назад, – начала Уэббер, – на двух байках. Подстроили так, чтобы у одного из них сломался кардан, на случай, если нам понадобится предлог, чтобы разбить здесь лагерь. Население здесь редкое, временное: кочующие байкеры и сектанты. Линч прошел шесть километров на восток с катушкой оптоволоконного кабеля и подключился к телефону...

– Частному?

– Платному, – ответил за нее Линч.

– Мы провели тестовое подавление текущего сигнала своим, – продолжала женщина. – Если бы не сработало, ты бы уже знал.

Тернер кивнул.

– Входящий траффик?

– Ничего. В самый раз для большого спектакля, что бы это ни было. – Она вопросительно подняла брови.

– Побег.

– Что довольно очевидно, – снова вмешался Сатклифф, устраиваясь рядом с Уэббер спиной к стене. – Хотя общий тон операции заставляет предположить, что нам, шестеркам, не положено знать, кого мы извлекаем. Так, мистер Тернер? Или мы узнаем об этом только из новостей?

Тернер его проигнорировал.

– Продолжай, Уэббер.

– После того как мы разобрались на местности и протянули свою линию, по одному-двое просочились остальные. Последний проинструктировал нас относительно консервной банки с японками.

– Грубая работа, – вставил Сатклифф. – Не стоило так высовываться.

– Думаешь, мы могли засветиться? – спросил Тернер.

Сатклифф пожат плечами:

– Может, могли, может, не могли. Перебросили мы ее довольно быстро. Нам еще чертовски повезло, что здесь оказалась хоть какая-то крыша, чтобы ее спрятать.

– Как насчет пассажиров?

– Они выходят только ночью, – сказала Уэббер. – И знают, что мы убьем их, если они попытаются отойти дальше чем на пять метров от трейлера.

Тернер взглянул на Сатклиффа.

– Приказ Конроя, – ответил тот.

– С настоящего момента все приказы Конроя недействительны, – сказал Тернер, – за исключением этого. Что они за люди?

– Медики, – сказал Линч, – подпольные врачи.

— В самый раз попользоваться, – отозвался Тернер. – А что остальные члены команды?

– Мы натянули пару навесов из маскировочного брезента. Спят посменно. Тут не хватает воды, и мы не можем особо рисковать с готовкой, – Сатклифф потянулся за кофейником. – Часовые на местах, и мы периодически прогоняем местную линию на целостность. – Он плеснул кофе в красную пластмассовую кружку, которая выглядела так, как будто ее жевала собака. – Так когда наш выход, мистер Тернер?

– Я хочу посмотреть на вашу жестянку с ручными медиками. Я хочу осмотреть командный пункт. Вы ничего не сказали о командном пункте.

– Все устроено, – сказал Линч.

– Прекрасно. Вот, – Тернер передал Уэббер револьвер, – взгляни, не сможешь ли сообразить для него какую-нибудь кобуру. А теперь Линч покажет мне этих медиков.

– Он так и думал, что это будешь ты, — сказал Линч, без усилий взбираясь по низкому гравиевому откосу. Тернер шел следом. – У тебя та еще слава. – Молодой человек оглянулся на Тернера, тряхнув челкой грязных, выгоревших на солнце волос.

– Даже слишком, – ответил Тернер. – Сколько бы ее ни было, всегда чуть слишком. Ты раньше с ним работал? Скажем, в Марракеше?

Линч боком протиснулся в пробоину в стене горелого блока, Тернер едва не наступал ему на пятки. Пустынные растения пахли дегтем; если их задеть, они норовили прилипнуть или вцепиться колючкой. Через пустое прямоугольное отверстие, предназначенное под окно, на Тернера глянули розовые вершины гор; тут Линч заскользил вниз по склону.

– Конечно, я работал на него раньше, – сказал он, остановившись у подножия оползня. Древний на вид кожаный ремень висел у него по-ковбойски на бедрах, тяжелая пряжка – почерневший серебряный череп в центре креста из тусклых пирамидальных шипов. – Марракеш – это было еще до меня.

– И на Конни тоже, Линч?

– То есть?

– На Конроя. Ты работал на него раньше? Или, если быть точным, ты сейчас работаешь на него?

Тернер медленно и неуклонно съезжал по гравию; камешки крошились и выскальзывали из-под подметок пляжных туфель – ненадежная опора. Тернеру был виден изящный маленький игольник в кобуре под грубой парусиновой жилеткой Линча.

Линч облизнул сухие губы:

– Это Сатов контакт. Сам я с Конроем не встречался.

– У Конроя свои проблемы, Линч. Он не способен передать кому-либо ответственность. Он любит с самого начала внедрить в команду своего человека, кого-то, кто сторожил бы сторожей. Всегда. Это ты, Линч?

Линч покачал головой – абсолютный минимум движений, требующийся для выражения отрицания. Тернер подошел теперь настолько близко, чтобы за деготной вонью пустынных растений почувствовать запах его пота.

– Конрой провалил на этом два извлечения, я свидетель, – тяжело проговорил Тернер. – Ящерицы и битое стекло, а, Линч? Как, по-твоему, хочется тебе здесь умереть? – Он занес перед лицом Линча сжатый кулак и медленно вытянул указательный палец, указывая прямо вверх. – Мы, считай, у них на прицеле. Стоит подсадке Конроя хотя бы пикнуть, и они тут же сядут нам на хвост.

– Если уже не сели.

– Верно.

– Сат – вот кто тебе нужен, – выдавил Линч. – Это не я, и я не думаю, что это Уэббер. – Сломанные, с черными ободками ногти рассеянно поскребли в бороде. – А теперь: ты привел меня сюда только для этой беседы или все еще хочешь поглядеть на нашу жестянку с япошками?

– Пойдем поглядим.

Линч. Это был Линч.

Когда-то в Мексике, много-много лет назад, Тернер зафрахтовал переносной прогулочный модуль французского производства на солнечных батареях. Семиметровый корпус модуля походил на бескрылую муху в панцире из полированной стали. Глаза – две одинаковые полусферы из затемненного фоточувствительного пластика; Тернер сидел за ними, а двухвинтовой русский транспортер брел вдоль берега, сжимая в челюстях модуль и едва-едва не задевая им за кроны более высоких пальм. Спрятавшись на пятачке удаленного пляжа с черным песком, Тернер провел три дня в изнеженном уединении узкой, обитой тиком кабины, готовя еду в микроволновой печи и бережливо, но регулярно обливаясь холодной свежей водой. Прямоугольные клумбы солнечных батарей вращались, следуя за солнцем, и он научился определять время по их положению.

Переносной нейрохирургический бокс «Хосаки» напоминал безглазую версию того французского модуля, может, метра на два длиннее, и покрашен он был в тускло-коричневый цвет. К нижней части обшивки недавно через равные интервалы были приварены выгнутые углом листы перфорированного металла, и продетые в дыры обычные веревочные подвески крепили к ним с десяток толстых, глубоко рифленных мотоциклетных шин из красной резины.

– Они спят, – сказал Линч. – Эта штука покачивается, когда внутри кто-то ходит, так что это всегда видно. Когда придет время, мы снимем колеса, но пока нам хотелось бы иметь возможность следить за ними.

Тернер медленно обошел коричневый фургон, заметив черный глянцевый сливной шланг, уходивший в маленький прямоугольный резервуар по соседству.

– Пришлось приваривать прошлой ночью, – Линч покачал головой. – Господи, у них там есть еда, сколько-то воды.

Тернер приложил ухо к обшивке.

– Звуконепроницаема, – пояснил Линч.

Тернер поднял взгляд к стальной крыше над головой. Сверху хирургический бокс был экранирован добрым десятком метров ржавеющей крыши. Единый лист железа, к тому же горячий сейчас настолько, что можно поджарить на нем яичницу. Тернер задумчиво кивнул. Этот горячий прямоугольник – постоянная деталь на инфракрасном сканере «Мааса».

– Летучие мыши, – сказала Уэббер, протягивая ему «смит-и-вессон» в наплечной кобуре из черного нейлона. Сумерки были полны звуков, которые исходили как будто из

какого-то замкнутого пространства: металлическое кваканье и цоканье жуков, крики невидимых птиц. Тернер засунул пистолет, а потом и кобуру в карман парки. – Хочешь поссать, пройди вверх мимо того куста, но смотри, кругом колючки.

– Ты откуда?

– Из Нью-Мексико, – ответила женщина.

В угасающем свете ее лицо казалось вырезанным из дерева. Она повернулась и зашагала прочь, направляясь к стыку стен, приютившему брезентовые навесы. Тернер различил там силуэты Сатклиффа и какого-то молодого цветного. Они что-то ели из блеклых полиэтиленовых пакетов. Похоже, это – Рамирес, компьютерный жокей с полигона, партнер Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса.

Тернер взглянул вверх в чашу неба – бескрайнюю, как звездная карта. Странно, почему отсюда оно кажется таким огромным, подумалось ему, а с орбиты – это просто бесформенная бездна, где масштаб теряет всякое значение. Тернер знал, что и сегодня ему не уснуть, что Большая Медведица вихрем закружится для него, а потом канет за горизонт, утянув за собою хвост.

Его ударила тошнотворная и дезориентирующая волна – в мозг вдруг непрошенно хлынули образы из досье биософта.

8
Париж

Андреа жила в Картье-де-Терн, где ее старинный дом вместе со всеми прочими ждал нашествия неуемных городских реставраторов. В подъезде было темно, только биофлюоресцентные полоски «Фудзи Электрик» едва тлели над ветхой стенкой маленьких деревянных ячеек; у некоторых даже еще сохранились на месте дверцы с прорезями. Марли знала, что когда-то почтальоны ежедневно проталкивали в эти щели квитанции и письма. Что-то очень романтичное было в самой этой идее, однако ячейки с их желтеющими визитными карточками, оповещавшими о роде занятий давно исчезнувших жильцов, почему-то всегда действовали на нее угнетающе. По стенам коридора змеились разбухшие кабели и оптоволоконные провода, каждая связка – потенциальный кошмар для какого-нибудь бедняги-монтера. В дальнем конце коридора через открытую дверь с панелями из линзового стекла виднелся заброшенный внутренний двор, где от сырости влажно блестел булыжник.

Когда Марли вошла в парадное, консьерж сидел во внутреннем дворике на белом пластмассовом ящике, в былые времена служившем упаковкой для бутылок воды «Эвиан». Консьерж звено за звеном терпеливо смазывал черную цепь от старого велосипеда. Когда Марли стала взбираться по первому лестничному пролету, он поднял на нее глаза, но не проявил особого интереса.

Мраморные ступени давно потеряли былой блеск, покрывшись шершавыми выбоинами от ног бесчисленных поколений жильцов. Квартира Андреа находилась на четвертом этаже. Две комнаты, кухня и ванная. Марли приехала сюда, в последний раз заперев свою галерею, когда стало больше невозможно спать в импровизированной спальне – маленькой комнатке над складом, которую она делила с Аленом. Теперь этот дом вновь грозил ввергнуть ее в замкнутый круг депрессии, но ощущение новой одежды и опрятный стук каблучков но мрамору удерживали от этого. На Марли было просторное кожаное пальто несколькими тонами светлее сумочки, шерстяная юбка и шелковая блузка от «Пари Изетан». Сегодня утром она постриглась в предместье Сан-Оноре у бирманки с немецким лазерным карандашом – дорогая стрижка, утонченная, без излишней консервативности.

Марли коснулась круглой пластины, привинченной в центре двери Андреа. Услышала, как та тихонько пискнула, считывая линии и завитки отпечатков пальцев.

– Андреа, это я, – сказала она в крохотный микрофон.

Последовала череда щелчков и позвякиваний – это подруга открывала дверь.

И вот Андреа стоит на пороге – в лужице воды и старом махровом халате. С полминуты француженка восхищенно рассматривала новую прическу Марли, потом улыбнулась.

– Так ты получила эту свою работу или просто ограбила банк?

Переступив порог, Марли поцеловала подругу в мокрую щеку.

– Судя по ощущениям, понемногу того и другого, – рассмеялась она.

– Кофе, – сказала Андреа, – свари нам кофе. Со сливками. Мне нужно еще сполоснуть волосы. А твоя прическа просто чудо... – Она исчезла в ванной, и до Марли донесся плеск воды по фаянсу.

– Я привезла тебе подарок, – крикнула ей вслед Марли, но Андреа ее не расслышала.

Пройдя в кухню, Марли налила воды в чайник, зажгла плиту от старомодной электрозажигалки и начала рыться на заставленных всякой всячиной полках в поисках кофе.

– Пожалуй, да, – говорила за кофе Андреа, – теперь понимаю. – Она рассматривала голограмму шкатулки, которую Марли впервые увидела в вирековском конструкте парка Гауди. – Это в твоем стиле. – Она тронула клавишу, и «брауновская» иллюзия исчезла. За

единственным окном комнаты небо, будто причудливой гравировкой, было разукрашено венчиками перистых облаков. – Что до меня, это слишком угрюмо, слишком серьезно. Как и те работы, что ты выставляла в своей галерее. Но значить это может только одно – герр Вирек не ошибся в выборе; ты ему решишь эту загадку. А учитывая заработную плату, я бы на твоем месте с этим не торопилась.

Андреа щеголяла в подарке Марли – дорогой, с восхитительным количеством мелких деталей, мужской блузе из серой фламандской фланели. Андреа просто обожала вещи такого стиля, и ее радость при виде блузы была очевидной. Блуза почти под цвет ее глаз великолепно оттеняла пепельные волосы.

– Он просто ужасен, этот Вирек. Мне кажется... – Марли запнулась.

– Охотно верю, – отозвалась Андреа, прихлебывая кофе. – А ты что, ждала, что денежный мешок окажется приятным или хотя бы нормальным типом?

– В какой-то момент мне почудилось, что он не совсем человек. Я очень отчетливо это почувствовала.

– А он и не человек, Марли. Ты разговаривала с проекцией, спецэффектом...

– И тем не менее... – Она беспомощно повела рукой и тут же почувствовала досаду на саму себя.

– И тем не менее он очень, очень богат и платит тебе кучу денег за то, чтобы ты сделала что-то, к чему ты, возможно, уникально подходишь. – Улыбнувшись, Андреа расправила тщательно заглаженный угольно-черный манжет. – У тебя ведь не такой уж богатый выбор, правда?

– Знаю. Пожалуй, это меня и тревожит.

– Ну-у, – протянула Андреа, – я думала, что смогу ненадолго оттянуть этот разговор, но у меня есть еще кое-что, что может тебя встревожить. Если «встревожить» здесь подходящее выражение.

– Да?

– Я подумала было, может, вообще не стоит тебе об этом говорить, но уверена, что рано или поздно он все равно до тебя доберется. Я сказала бы; он чует деньги.

Марли осторожно поставила пустую чашку на заваленный журналами столик из индийского тростника.

– У него очень острый нюх на такие вещи.

– Когда?

– Вчера. Началось, думаю, примерно через час после того, как должно было состояться твое собеседование с Виреком. Он позвонил мне на работу. Он оставил записку здесь, у консьержа. Если я уберу экранирующую программу, – она кивнула на телефон, – уверена, он позвонит в течение получаса.

Вспомнился взгляд консьержа, позвякивание велосипедной цепи.

– Он сказал, что хочет поговорить, – продолжала Андреа. – Только поговорить. Ты хочешь поговорить с ним, Марли?

– Нет, – ответила она голосом маленькой девочки, высоким и ломким. А потом: – Он оставил номер?

Вздохнув, Андрея медленно покачала головой, потом сказала:

– Да, конечно, оставил.

9
Вверху, на проектах

Тьму наполняли узоры – как пчелиные соты цвета крови. Было тепло. И по большей части мягко.

– Ну и бардак, – сказал один из ангелов. Голос оказался женский и доносился откуда-то из далекого далека, но звучал нежно, музыкально и очень отчетливо.

– Надо было перехватить его еще у Леона, – сказал второй ангел – тоже женщина. – Наверху это не понравится.

– У него, похоже, что-то было в этом большом кармане, видишь? Карман разрезали, чтобы это что-то вытащить.

– И не только карман, сестренка. Господи. Вот.

Узоры качнулись и поплыли, когда кто-то подвинул его голову. Холодная ладонь у него на щеке.

– Не испачкай себе рубашку, – сказала первый ангел.

– Дважды-в-День это не понравится. Как, по-твоему, с чего это он так сорвался и побежал?

Его это выводило из себя, потому что хотелось спать. Разумеется, он спит, но почему-то в его мозг просачиваются искусственные сны Марши, и он барахтается в рваной путанице фрагментов из самых разных серий «Важных мира сего». Мыло тянулось беспрерывно еще до его рождения, сюжет – этакий многоголовый солитер повествования, извивающийся, как магнитная лента, – каждые несколько месяцев сворачивался кольцом, чтобы поглотить самое себя, но потом отращивал новые головы, жадные до напряжения и накала страстей. Наконец Бобби смог увидеть этого корчащегося червяка целиком, во всей его длине, таким, каким Марше его никогда не увидеть, – удлиненную спираль «сенснетовской» ДНК, хрупкий дешевый эктоплазм, сосущий соки из бесчисленных голодных мечтателей. Что до Марши, к ней повествование приходило через органы чувств Мишель Морган Магнум, главной героини, унаследовавшей корпорацию «Магнум АГ». Но сегодняшняя серия каким-то жутким образом все норовила уклониться от отчаянно запутанных сердечных дел Мишель, за которыми Бобби вскоре перестал следить, перескочив на подробные описания социоархитектуры самодостаточных комплексов-«ульев» типа «Солери». Некоторые детали этих описаний казались подозрительными, даже на взгляд Бобби. Он, например, сомневался, что там действительно целые этажи отведены под продажу исключительно льдисто-голубых вельветовых комбинезонов с алмазными пряжками у колен или что там есть другие этажи, вечно темные и заселенные исключительно голодающими детьми. В это последнее, как он вроде бы смутно помнил, Марша верила беззаветно и относилась поэтому к Проектам с суеверным ужасом – как к некоему вертикально вздыбленному аду, куда ей придется однажды взойти. Другие фрагменты искусственного сна напомнили Бобби «сенснетовский» канал «Знание», появлявшийся у них в доме в качестве бесплатного приложения к каждой стим-подписке; там тоже были искусные мультипликационные диаграммы внутренней структуры Проекта, на них накладывался монотонный голос, бубнивший лекцию об образе жизни различных его обитателей. Эти обитатели – когда Бобби удалось на них сосредоточиться – оказались еще менее убедительными, нежели вельветовые вспышки цвета голубого льда или беззвучно крадущиеся во тьме младенцы-каннибалы. Веселая молодая мать резала пиццу огромным промышленным водяным ножом на кухоньке безупречно чистой однокомнатной квартиры. Стеклянная дверь открывалась на узкий балкон и прямоугольник мультяшно-голубого неба.

Женщина была черной, но не негритянкой – Бобби подумал, что она скорее походит на одну из порнокукол из модуля в его спальне, только очень-очень темную, юную и в образе счастливой матери. И у нее были – так на первый взгляд – очень маленькие, но мультяшно совершенные груди. (В этот момент, как будто чтобы еще больше усилить его тупое замешательство, поразительно громкий и очень не «сенснетовский» голос сказал: «А вот *это,* Джекки, я определенно назвала бы признаком жизни. Если точный прогноз еще дать и невозможно, то, по крайней мере, мы на верном пути».) Тут его закружило, и он снова вывалился в показушно обаятельную вселенную Мишель Морган Магнум, которая отчаянно боролась за то, чтобы предотвратить перекупку своей корпорации «Магнум АГ» зловещим промышленным кланом Накамура из Сикоку. В данном случае клан представлял (усложнение сюжета) основной любовник Мишель в этом сезоне, состоятельный (но почему-то жадный до пары лишних миллиардов) красавец политик из Новой Советии Василий Суслов, который и одеждой, и своим внешним видом удивительно смахивал на готиков из заведения Леона.

Серия, похоже, приближалась к некой кульминации: антикварный «БМВ» с двигателем, переделанным под водородное топливо, был обстрелян на улице близ жилого блока «Ковина-Конкорс-Ко-уртс» из радиоуправляемых западногерманских микровертолетов; вероломный личный секретарь нацелил на Мишель Морган Магнум пистолет с никелированной пластинкой «Намбу», а Суслов, с которым Бобби все больше начинал идентифицировать самого себя, собирался смыться из города с роскошной феминой-телохранителем, которая была японкой, однако почему-то крайне напоминала Бобби еще одну девицу из его голографического порномодуля – но тут кто-то закричал.

Бобби никогда не слышал, чтобы так кричали, и в голосе кричавшего было что-то до ужаса знакомое. Но прежде чем он успел начать переживать из-за этого, перед глазами у него вихрем закружились кроваво-красные соты, и он пропустил конец «Важных мира сего». Мелькнула невнятная мысль – красный вихрь как раз сменился черным, – что он всегда может спросить у Марши, чем же там все закончилось.

* * *

– Открой глаза, приятель. Вот так. Свет тебе слишком ярок?

«Слишком» еще мягко сказано, но это ничего не меняло. Белый, белый. Белизна. Он вспомнил, как его голова взорвалась, – будто годы назад. Взрыв гранаты, вспышка сумасшедшего белого света в пронизанной холодными ветрами темноте пустыни. Его глаза открыты, но он ничего не видит. Только белое.

– Ну, в обычной ситуации я дал бы тебе побыть без сознания еще немного, учитывая, в каком состоянии наш белый мальчик. Но те, кто мне платит, говорят: «Поставь парня на ноги», так что я тебя бужу, еще не закончив работу. Ты хочешь спросить, почему ты ничего не видишь, да? Только белый свет – вот и все, что ты видишь, – это верно. А дело в том, что у нас тут стоит реле нейропрерывания. Между нами говоря, эта штука взята из секс-шопа, но не вижу причин, почему бы не использовать ее в медицине, если так уж хочется. А нам того хочется, потому что тебе по-прежнему чертовски больно, и уж во всяком случае ты лежишь тихо, пока я работаю. – Голос был спокойным и размеренным. – Ну вот, самая большая проблема была у тебя со спиной, но я поставил скобы и наложил несколько футов цеплючки. Сам посуди, кто тебе тут сделает пластическую операцию – хотя милашки, думаю, сочтут эти шрамы весьма привлекательными. А что я делаю теперь? Я вычищаю рану у тебя на груди, а потом мы и ее застегнем кусочком цеплючки, и все будет готово. Правда, ближайшие несколько дней тебе придется двигаться очень осторожно, иначе разойдутся скобы. Я уже налепил на тебя парочку дермов и налеплю еще несколько потом. А тем временем я собираюсь переключить твой сенсориум на аудио и полное видео, чтобы ты постепенно

начинал приходить в себя. Не обращай внимания на кровь, она вся – твоя, но больше уже ниоткуда не течет.

Белизна свернулась в серое облако, предметы с медленной неуклонностью кислотного глюка стали приобретать очертания. Он распластан по обитому чем-то потолку – смотрит вниз на белую безголовую куклу. На месте головы у куклы – зеленая хирургическая лампа, которая, похоже, растет у нее из плеч. Негр в залитом кровью зеленом халате распыляет что-то желтое в разверстую рану, которая сбегает наискось от левого соска куклы и кончается почти над тазовой костью. Бобби знает, что мужчина черный, потому что тот с непокрытой головой – непокрытой, бритой и глянцевой от пота. Руки негра скрываются под туго натянутыми зелеными перчатками. Зеленые перчатки и скользкий набалдашник лысины, ничего больше от негра, в сущности, и не видно. По обеим сторонам шеи к коже куклы присосались розовые и голубые дермодиски. Края раны кажутся выкрашенными чем-то вроде шоколадного сиропа, а желтый аэрозоль, вылетая из своего серебристого баллончика, издает слабое шипение.

Тут Бобби осознал, что перед ним, и вселенная тошнотворно опрокинулась. Лампа свисала с потолка, потолок был зеркальный, а куклой был он сам. Казалось, длинный эластичный шнур снова выдернул его сквозь красные соты назад, в комнату из сна, где черная девушка резала детям пиццу. Водяной нож не издавал ни звука, в игольчатом потоке высокоскоростной воды крутились микроскопические песчинки. Инструмент предназначался для разрезания стекла и стали, а вовсе не для того, чтобы нарезать на ломтики пиццу из микроволновки. Бобби хотелось накричать на «негритянку», потому что он боялся, что она отрежет себе палец, даже этого не почувствовав.

Но кричать он не мог, как не мог пошевелиться или вообще издать хоть какой-то звук. Женщина любовно вырезала последний кусок и, нажав ногой на отключающую нож педаль в полу, переложила нарезанную пиццу на белое керамическое блюдо, потом повернулась к прямоугольнику голубизны за балконом, где были ее дети... Нет, сказал Бобби, проваливаясь глубоко в себя, *не надо.* Потому что существа, которые ворвались в комнату и бросились к ней, были не потирающими ладошки малышами, а страшными монстрами, младенцами-каннибалами из снов Марши. У них были крылья, порванные в лохмотья, – мешанина розовых костей, металла, туго натянутых перепонок из пластиковых лоскутов... Он увидел их зубы...

– Уф, – сказал негр, – потерял тебя на секунду. Не надолго, понимаешь, только, быть может, на одну нью-йоркскую минутку...

Его рука в зеркале над головой взяла из кровавой тряпки рядом с ребрами Бобби плоскую катушку из прозрачного синего пластика. Двумя пальцами он осторожно вытянул кусок какого-то коричневого, собравшегося бусинами вещества. По краям бусин вспыхивали крохотные точки света, дрожали и, казалось, раскачивались.

– Цеплючка, – пояснил негр и второй рукой нажал на кнопку – наверное, кнопку встроенного в синюю катушку резака. Теперь отрезок нитки бус свободно качнулся и попытался заизвиваться. – Славная хреновина, – продолжал негр, поворачивая катушку так, чтобы и Бобби тоже было видно. – Новая. Такие сейчас используют в Тибе.

Что-то коричневое, безголовое, каждая бусина – сегмент тела, каждый сегмент окаймлен бледными светящимися ножками. Потом, как фокусник взмахнув руками в зеленых перчатках, негр наложил гадину по всей длине открытой раны и легким движением оторвал последний сегмент – тот, что был ближе всего к лицу Бобби. Отделяясь, этот сегмент втянул в себя блестящую черную нить, служившую многоножке нервной системой, и каждая пара клешней, одна за другой, сомкнулась, крепко сгинув края раны, – будто задернула «молнию» на новой кожаной куртке.

– Ну вот видишь, – сказал негр, промокая остатки шоколадного сиропа влажным белым тампоном, – не так уж было и страшно, правда?

Его вступление в апартаменты Дважды-в-День совсем не походило на то, что так часто рисовало Бобби воображение. Начать с того, что он никогда не думал, что его вкатят на кресле-каталке, позаимствованном в «Материнском обществе Святой Марии», – название общества и серийный номер были аккуратно выгравированы лазером на тусклой хромировке левого подлокотника. Катившая его женщина, однако, вполне вписалась бы в какую-нибудь из его фантазий: ее звали Джекки – первая из двух девушек с Проектов, которых он видел у Леона, и, насколько он понял, одна из двух его ангелов. Кресло-каталка беззвучно катилось по ворсистому серому паласу, от стены до стены покрывавшему узкой проход к жилым помещениям, но золотые побрякушки на федоре весело позвякивали при каждом шаге черного ангела.

И он представить себе не мог, что хата Дважды-в-День окажется такой огромной или что в ней будет полно деревьев.

В своей импровизированной операционной Пай – доктор, не преминувший объяснить, что на самом деле никакой он не врач, а просто тот, кто «иногда помогает выпутаться», – устроившись на драном высоком табурете, стянул окровавленные зеленые перчатки, закурил сигарету с ментолом и посоветовал Бобби недельку-другую не перетруждаться. Через несколько минут Джекки и Реа – второй ангел – с трудом впихнули его в мятую черную пижаму, которая выглядела как одежда из дешевого фильма про ниндзя, втолкнули в кресло-каталку и двинулись к шахте лифтов в сердцевине улья. Благодаря еще трем дополнительным дермам из запаса наркотиков Пая – один из них был заряжен добрыми двумя тысячами миллиграммов аналога эндорфина, – в голове у Бобби прояснилось и никакой боли он не испытывал.

– Где мои вещи? – запротестовал он, когда его выкатили из первого коридора в другой, ставший опасно узким из-за десятилетних наслоений водопроводных труб и проводки. – Где моя одежда, дека и все остальное?

– Твоя одежда, дорогуша, в том виде, в каком она была, сейчас в пластиковом мешке у Пая, ждет, когда он спустит ее в мусоропровод. Паю пришлось срезать ее с тебя на столе, и, уж если на то пошло, она была просто окровавленными лохмотьями. И если твоя дека была в куртке, в нижнем кармане, то я думаю, что те. кто тебя порезал, ее и забрали. Едва не прихватив и тебя заодно. И ты, ублюдок, ко всем чертям испортил мне рубашку от «Салли Стэнли». – Ангел Реа казалась не слишком дружелюбной.

– Ну, – протянул Бобби, когда они заворачивали за угол, – хорошо. А вы случайно не нашли в карманах отвертку? Или кредитный чип?

– Чипа не было, малыш. Но если ты имеешь в виду отвертку с двумя сотнями по одной бумажке и еще десяткой новых иен в рукоятке, то это как раз цена моей новой рубашки...

Вид у Дважды-в-День был такой, как будто толкач не особенно рад видеть Бобби. В самом деле, можно было подумать, что он вообще его не заметил. Смотрел прямо сквозь него на Джекки и Реа и скалил зубы в улыбке, целиком состоявшей из нервов и недосыпания. Бобби подкатили достаточно близко, так что ему было видно, какие желтые у Дважды-в-День белки – почти оранжевые в розовато-пурпурном свечении трубок гро-света, которые, казалось, в полном беспорядке свисали с потолка.

– Что вас, суки, задержало? – спросил толкач, но в голосе его не было ни тени гнева, одна только смертельная усталость и еще что-то такое, что Бобби поначалу не смог определить.

– Пай, – сказала Джекки, качнув бедрами мимо кресла, чтобы взять пачку китайских сигарет с невероятных размеров деревянной плиты, служившей Дважды-в-День кофейным столиком. – Он виртуоз, наш Пай.

– И научился этому в ветеринарной школе, – добавила ради Бобби Реа, – но обычно он так пьян, что никто не позволит ему попрактиковаться даже на собаке...

– Так, – сказал Дважды-в-День, останавливая наконец взгляд на Бобби, – значит, жить будешь.

Этот взгляд был настолько холодный, настолько усталый и клинически отстраненный, настолько далекий от маски этакого заманьяченного толкача, которому сам черт не брат – и который Бобби принимал за истинную личность этого человека, что Бобби смог только опустить глаза и уставиться в стол. Лицо у него горело.

Почти трехметровой длины стол был сколочен из бревен, каждое толще ноги Бобби. «Должно быть, дерево какое-то время провело в воде», – подумал Бобби, в некоторых местах еще сохранилась белесая серебристая патина плавуна, как на колоде, возле которой он играл давным-давно в детстве в Атлантик-сити. Но дерево не видело воды уже довольно давно, и столешницу покрывала плотная мозаика из воска оплывших свечей, винных пятен, странной формы луж матово-черной эмали и темных ожогов сотен раздавленных сигарет. Стол был так завален едой, мусором и безделушками, что казалось, что это какой-то уличный торговец собрался было разгружать «железо», но потом передумал и решил пообедать. Тут были наполовину съеденные пиццы – от вида катышек криля в кетчупе у Бобби стало сводить желудок – рядом с обваливающимися стопками дискет, грязные стаканы с затушенными в недопитом красном вине окурками, розовый стирононый поднос с ровными рядами заострившихся канапе, открытые и неоткрытые банки пива. Антикварный герберовский кинжал лежал без ножен на плоском обломке полированного мрамора. Еще на столе оказалось по меньшей мере три пистолета и, быть может, два десятка компонентов загадочного с виду компьютерного оборудования, того самого ковбойского снаряжения, при виде которого в обычных обстоятельствах у Бобби потекли бы слюнки.

Теперь же слюнки текли из-за куска холодной пиццы с крилем, но голод был ничто по сравнению со внезапным унижением, которое он испытал, увидев, что Дважды-в-День на него просто плевать. Нельзя сказать, что Бобби думал о нем именно как о друге, но он, безусловно, немало вложил в надежду, что Дважды-в-День видит в нем равного, человека, у которого хватает таланта и инициативы и у которого есть шанс выбраться из Барритауна. Но взгляд Дважды-в-Днь сказал ему, что он, в сущности, никто и к тому же вильсон...

– Взгляни-ка на меня, друг мой, – сказал голос, но это был не Дважды-в-День, и Бобби поднял глаза.

По обе стороны от Дважды-в-День на пухлой хромированно-кожаной кушетке оказались еще двое, оба негры. Говорящий был одет в какой-то балахон или халат, на носу у него сидели древние очки в пластмассовой оправе. Очки были ему велики, к тому же в квадратах оправы отсутствовали линзы. Другой был вдвое шире в плечах, чем Дважды-в-День, но на нем оказался строгий костюм, какие носят в кино японские бизнесмены. Безупречно белые манжеты французской рубашки были застегнуты блестящими прямоугольниками золотых микросхем.

– Просто стыд и срам, что мы не можем дать тебе немного времени подлечиться, – сказал первый, – но у нас тут серьезная проблема. – Он помедлил, снял очки и помассировал переносицу. – Нам требуется твоя помощь.

– Черт, – ругнулся Дважды-в-День.

Он наклонился вперед и, взяв из пачки на столе китайскую сигарету, прикурил ее от свинцового черепа размером с крупный лимон, потом потянулся за стаканом вина. Мужчина в очках, протянув худой коричневый палец, постучал им по запястью Дважды-в-День. Дважды-в-День выпустил стакан и откинулся назад. Лицо его оставалось тщательно пустым. Мужчина же улыбнулся Бобби.

– Счет Ноль, – сказал он, – нам сказали, такая у тебя кличка.

– Верно, – выдавил Бобби. Вышло как какое-то карканье.

– Мы хотим знать о Деве, Счет. – Негр ждал.

Бобби, прищурившись, посмотрел на него.

– *Вьей Мирак.* – Мужчина снова надел очки. – Наша госпожа, Дева Чудес. Мы знаем ее, – он сделал какой-то странный жест левой рукой, – как Эзили Фреду.

Бобби осознал, что сидит с открытым ртом, и закрыл его. Три темных лица ждали. Джекки и Реа исчезли, но он не видел, как они ушли. Бобби охватила паника, и он в отчаянии оглянулся по сторонам, чтобы увидеть странные заросли низкорослых деревьев, окружающих стол. Во всех направлениях свисали под различными углами трубки гро-света. В гуще зеленой листвы проглядывали розовато-пурпурные чучела. Никаких стен. Стен вообще не видно! Кушетка и видавший виды стол стояли на какой-то прогалине с полом из шершавого бетона.

– Мы знаем, что она приходила к тебе, – сказал гигант, осторожно кладя ногу на ногу. Он поправил безупречную складку на брюках, и Бобби подмигнула золотая запонка. – Мы это знаем, понимаешь?

– Дважды-в-День говорит, это твои первый набег? – вмешался второй. – Это правда?

Бобби кивнул.

– Значит, ты избран Легбой, – сказал мужчина, снова снимая пустую оправу, – чтобы встретиться с Вьей Мирак. – Он улыбнулся.

У Бобби снова отвисла челюсть.

– Легба, – повторил негр, – Хозяин дорог и тропинок, лоа коммуникаций...

Дважды-в-Дснь затушил сигарету о поцарапанное дерево, и тут Бобби увидел, что руки у него дрожат.

10
Ален

Они условились встретиться в брассерии на пятом подземном этаже комплекса «Двор Наполеона» под стеклянной пирамидон Лувра. Это место было знакомо обоим, хотя ни для одного из них не имело особого значения. Предложил его Ален, и Марли подозревала, что он очень тщательно его выбирал. Это была эмоционально нейтральная территория: знакомая обстановка, при этом не отягощенная никакими воспоминаниями. Кафе было стилизовано под прошлый век: гранитные стойки, черные балки от пола до потолка, зеркала во всю стену и итальянская ресторанная мебель из черной сварной стали, какая могла относиться к любому десятилетию за последние сто лет. Столы покрыты серыми льняными скатертями в тонкую черную полоску, этому сочетанию вторят черно-полосатые обложки меню, спичечные коробки и передники официантов.

Для встречи Марли надела кожаное пальто, которое она купила еще в Брюсселе, красную льняную блузку и новые джинсы из черного хлопка. Андреа сделала вид, что не замечает, как старательно подруга подбирает одежду, а потом одолжила простую нитку жемчуга, который отлично оттенял блузку.

Едва успев войти, Марли поняла, что Ален пришел заранее, – стол уже был завален его барахлом. На Алене был его любимый шарф, тот, что они купили вместе год назад на блошином рынке, и, как обычно, выглядел Ален всклокоченным, но совершенно в своей стихии. Потрепанный кожаный «атташе» изверг свое содержимое на небольшой квадрат полированного гранита: блокнотики на спирали, нечитаный том самого спорного романа месяца, «галуаз» без фильтра, коробок деревянных спичек, переплетенный в кожу ежедневник, который она приобрела ему в «Браунсе».

– А я уже думал, что ты не придешь, – сказал он с улыбкой.

– Почему ты так решил? – спросила Марли.

Вопросом на вопрос – спонтанная реакция («какая жалкая», – подумалось ей) в нелепой попытке замаскировать ужас, который она наконец позволила себе испытывать. Страх снова потерять себя, потерять волю и стимул жить, страх перед любовью, которая еще жива. Марли пододвинула второй стул и села. Возле нее тут же возник молодой официант в полосатом переднике – судя по виду, испанец, – чтобы принять заказ. Она заказала «Виши».

– Это все? – спросил Ален. Официант услужливо наклонился.

– Да, спасибо.

– Я уже несколько недель пытаюсь с тобой связаться, – сказал Ален.

Марли понимала, что это ложь; и все же, как это часто с ней случалось ранее, спросила себя: «А сознает ли он сам до конца, что снова лжет. Андреа утверждала, что такие, как Ален, лгут так постоянно и так искренне, что вскоре перестают различать, что в их словах правда, а что – вымысел. Они своего рода артисты, говорила Андреа, они одержимы желанием переиначивать реальность. И Новый Иерусалим тогда – воистину прекрасное местечко: свобода и от превышения кредита, и от ворчания домохозяев, и от необходимости искать кого-то, кто оплатил бы счет за вечер».

– Я что-то не заметила, чтобы ты пытался связаться со мной, когда Гнасс привел полицию.

Марли надеялась, что эта фраза заставит его хотя бы поморщиться. Впустую. Мальчишеское лицо под шапкой непослушных русых волос, которые он по привычке зачесывал назад пятерней, осталось невозмутимо-спокойным.

– Прости, – только и сказал он, давя в пепельнице «галуаз».

Аромат черною французского табака постепенно стал ассоциироваться для Марли с Аленом, и Париж теперь казался ей городом, где на каждом шагу его запах, его призрак, цепочка его следов.

– Я был уверен, что он никогда не обнаружит, гм... происхождение работы... Ты должна понять: как только я признался самому себе, насколько отчаянно мы нуждаемся в деньгах, я решил, что должен что-то предпринять. Я же знаю: сама ты – идеалистка. Галерею в любом случае пришлось бы свернуть. Если бы с Гнассом все прошло по плану и мы получили бы все, что хотели, ты была бы счастлива. Счастлива, – повторил он, вытаскивая очередную сигарету из пачки.

Марли могла лишь ошеломленно смотреть на него, испытывая тошнотворное отвращение к самой себе за желание в это поверить.

– Знаешь, – продолжал он, вынимая спичку из красно-желтого коробка, – у меня ведь и раньше были сложности с полицией. В студенческие годы. Политика, разумеется.

Он чиркнул спичкой, бросил на стол коробок и прикурил.

– Политика, – произнесла она и вдруг поняла, что ей отчаянно хочется рассмеяться. – Я и не подозревала, что существует партия для таких, как ты. Даже представить себе не могу, как она может называться.

– Марли, – сказал он, понизив голос; он всегда так делал, желая подчеркнуть силу своих чувств, – ты же знаешь, не можешь не знать, что я сделал это ради тебя. Ради нас, если хочешь. Но ты, конечно же, это знаешь. Ты же знаешь, *чувствуешь,* Марли, что намеренно я никогда бы тебя не обидел, не подверг бы опасности.

На загроможденном столике не нашлось места для ее сумочки, так что ее пришлось поставить на колени. Теперь Марли вдруг осознала, что впивается ногтями в мягкую толстую кожу.

– Никогда бы не обидел...

Голос был ее собственным, а в нем – потерянность и ошеломление. Голос ребенка. Внезапно она почувствовала себя свободной, свободной от любви и желания, свободной от страха, и все, что она испытывала к красивому лицу по ту сторону стола, исчерпывалось примитивным отвращением. И она могла только смотреть на него в упор, на этого совсем чужого ей человека, с которым она целый год спала рядом в задней комнатке очень маленькой галереи на рю Мосонсей. Официант поставил перед ней стакан «виши».

Ален, должно быть, воспринял ее молчание за готовность к примирению, абсолютную пустоту ее лица – за открытость.

– Чего ты не понимаешь... – насколько она помнила, эта фраза была его излюбленным вступлением, – так это того, что все эти Гнассы существуют в каком-то смысле лишь для того, чтобы поддерживать искусство. Поддерживать нас, Марли. – Тут он улыбнулся, как будто смеясь над самим собой, улыбнулся беспечной, заговорщицкой улыбкой, от которой теперь ее пробрал холод. – Однако, полагаю, мне все же следовало признать за ним крупицу здравого смысла, поверить, что у него хватит ума нанять собственного эксперта по Корнеллу. Хотя мой эксперт, уверяю тебя, из них двоих был гораздо компетентнее...

Как ей отсюда сбежать? «Встань, – сказала она самой себе. – Повернись. Спокойно пройди к выходу. Выйди через дверь». Наружу, в приглушенное изобилие «Двора Наполеона», где полированный мрамор сковал рю де Шам Флери, улочку четырнадцатого века, которая, говорят, сначала предназначалась для проституток. Что угодно, все что угодно, только бы уйти. Уйти прямо сейчас – и подальше от него. Уйти куда глаза глядят, чтобы затеряться в Париже, городе туристов, исхоженном ею вдоль и поперек еще в первый свой приезд.

– Но теперь, – говорил Ален, – ты же сама видишь, что все вышло к лучшему. Так часто случается, правда ведь? – И снова эта улыбка, на этот раз мальчишеская, слегка завистливая

и – к ее ужасу – гораздо более интимная. – Мы потеряли галерею, но ты нашла место, Марли. У тебя есть работа, интересная работа, а у меня – связи, которые тебе понадобятся. Я знаю людей, с которыми тебе нужно будет встретиться, чтобы найти своего художника.

– Своего художника? – Скрывая внезапную растерянность за глотком «виши».

Открыв потрепанный «атташе», он вынул оттуда нечто плоское – самую обычную эхограмму. Марли взяла ее, благодарная, что хоть чем-то может занять руки, – и, всмотревшись, поняла, что это небрежно сделанный снимок шкатулки, которую она видела в вирековском конструкте Барселоны. Кто-то протягивал шкатулку вперед к камере. Руки мужские, не Алена, на правой – перстень-печатка из какого-то темного металла. Фон расплывался. Только шкатулка и руки.

– Ален, – с трудом выдавила она, – откуда у тебя это?

Подняв глаза, она встретила взгляд карих глаз, полных пугающего ребяческого триумфа.

– Кое-кому очень дорого придется заплатить, чтобы это выяснить. – Он загасил сигарету. – Извини.

Встав из-за стола, Ален удалился в сторону туалетов. Когда он исчез за зеркалами и черными стальными балками, она уронила голограмму и, потянувшись через стол, откинула крышку папки. Ничего, только синяя эластичная лента и табачные крошки.

– Принести вам что-нибудь еще? Может быть, еще «виши»? – Подле нее стоял официант.

Она подняла на него глаза, ее вдруг поразила не мысль, а скорее ощущение, что она знает этого человека. Худое смуглое лицо...

– У него радиопередатчик, – вполголоса проговорил официант. – К тому же он вооружен. Я был тем коридорным в Брюсселе. Соглашайтесь на его условия. Помните, что деньги для вас значения не имеют. – Он взял ее стакан и аккуратно поставил его на поднос. – И очень вероятно, что эта игра для него закончится плохо.

Вернулся Ален. Улыбающийся.

– А теперь, дорогая, – сказал он, потянувшись за сигаретами, – мы можем поговорить о деле.

Марли улыбнулась в ответ и кивнула.

11
На полигоне

Он наконец позволил себе поспать часа три. Рухнул на матрас в бункере без окон, где команда полигона обустроила командный пункт. Прежде чем лечь, Тернер познакомился с остальными членами команды. Рамирес оказался худым, нервным, постоянно зацикленным на собственной сноровке компьютерного жокея. Немудрено: вся команда зависела от его способности – в тандеме с Джейлин Слайд на океанской платформе – следить за киберпространством вокруг того сектора решетки, где располагались основательно обледенелые базы данных «Маас Биолабс». Если в последний момент «Маас» все же засечет присутствие незваных гостей, Рамиресу, возможно, удастся передать хоть какое-то предупреждение. В его задачу входило также перегонять данные медицинского обследования из нейрохирургического бокса на нефтяную платформу – сложная многоступенчатая процедура, позволяющая удерживать «Маас» в неведении. Линия шла сперва к телефонной будке посреди «нигде». Проскочив через эту будку как в дверь, Рамирес и Джейлин будут действовать в матрице на свой страх и риск. Если они провалят свою часть, «Маас» сможет проследить их обратно до будки и засечь полигон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.